

Незачѣмъ прибавлять, что переводъ нашего перваго византиниста совершенно точенъ.

Излагая новеллу объ Армянахъ императора Никифора Фоки, Геньеро говоритъ: «если имѣнія были подарены въ видѣ пожалованія и Лакапиномъ или кѣмъ-нибудь изъ *κουρατωρεῖαι* (т. е. объясняетъ онъ въ примѣчаніи однимъ изъ регентовъ, управлявшихъ имперіей въ первую половину царствованія Константина VII), отсрочка дается на тридцать лѣтъ (р. 68)». На самомъ же дѣлѣ о Лакапинѣ и регентахъ въ новеллѣ совсѣмъ не говорится. «Если же, переводитъ В. Г. Васильевскій, нѣкоторыя изъ такихъ армянскихъ помѣстій отданы были царскому монастырю Лакапы (*τῆ βασιλικῆ τῆς Λακάπης μονῆ*) или пожертвованы въ другія кураторіи, или же подарены были какимъ властелямъ, не ради общепользныхъ службъ, а въ видѣ пожалованія и милости, то наслѣдники (удалившихся Армянъ) могутъ при возвращеніи своемъ обратно требовать свою собственность не только въ теченіе трехъ лѣтъ, но и въ теченіе тридцати лѣтъ (стр. 212)».

Молодымъ французскимъ ученымъ приходилось преодолевать немалыя трудности при чтеніи византийскихъ новеллъ и, не смотря на существенные недосмотры и промахи, они всетаки оказали нѣкоторую услугу западнымъ ученымъ, почти совсѣмъ не знающимъ соціального строя Византіи; жаль только, что ихъ руководитель профессоръ Монниэ не заглянулъ въ исторію литературы Крумбахера и не указалъ своимъ ученикамъ на изслѣдованіе В. Г. Васильевскаго. Тогда они или пошли бы дальше по пути, проложенному нашимъ академикомъ, или разработали бы какіе-нибудь другіе вопросы внутренней исторіи Византіи, такъ нуждающейся въ молодыхъ изслѣдователяхъ.

II. Безобразовъ.

2. БИБЛИОГРАФІЯ.

РОССІЯ.

Епископъ Арсеній, *Житіе и подвиги св. Теодоры Солунской. Греческій текстъ и русскій переводъ*. Юрьевъ. 1899. Стр. 79. — Новое изданіе епископа Кирилловскаго Арсенія заключаетъ въ себѣ доселѣ въ полномъ видѣ неизвѣстное греческое житіе византийской подвижницы IX вѣка св. Теодоры Солунской. Это житіе извлечено почтеннымъ издателемъ изъ кодекса Московской Синодальной бібліотеки за № 390, по каталогу архимандрита Владиміра. Упомянутый кодексъ нѣкогда былъ описанъ покойнымъ нашимъ ученымъ, профессоромъ и академикомъ В. Г. Васильевскимъ (см. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1886 г., ноябрь, стр. 65—106), который впервые ознакомилъ ученыхъ и съ житіемъ препод. Теодоры, здѣсь находящимся, представивъ его въ крат-

кихъ извлеченіяхъ и въ русскомъ изложеніи. Знаменитый нашъ византологъ называетъ житіе св. Θεодоры «очень важнымъ въ историческомъ отношеніи» и говоритъ, что оно не только никогда не появлялось въ печати, но даже и совсѣмъ не было извѣстно Болландистамъ, которые издали въ латинскомъ переводѣ и греческомъ подлинникѣ лишь похвалу Θεодорѣ Солунской, сочиненную Солунскимъ митрополитомъ XIV вѣка Николаемъ Кавасилою, и хотя догадывались о существованіи полнаго жизнеописанія св. Θεодоры, но нигдѣ не могли отыскать его. Оно и оказалось въ упомянутомъ кодексѣ Московской Синодальной библиотеки, по которому теперь въ первый разъ и издано епископомъ Арсеніемъ. Русский издатель, по своему обыкновению, не только опубликовалъ греческій текстъ житія, установленный при содѣйствіи извѣстнаго нашего знатока греческо-византійской литературы Э. Г. Куртца, но и снабдилъ его прекраснымъ русскимъ переводомъ.

Изъ житія видно, что прославляемая въ немъ византійская подвижница св. Θεодора родилась въ 812 году (по изслѣдованію В. Г. Васильевского) на островѣ Егинѣ, въ семьѣ протопресвитера Антонія, который, по смерти своей жены, ушелъ въ монастырь и постригся, а дочь отдалъ на попеченіе одной своей родственницы и вмѣстѣ съ тѣмъ крестной матери своей. Едва Θεодора достигла семилѣтняго возраста, какъ была сосватана (въ 819 или 820 году) за одного изъ знатныхъ мѣстныхъ жителей. Причиной ранняго ея замужества было, съ одной стороны, то, что отецъ хотѣлъ освободиться отъ всякихъ заботъ относительно выбора жениха и устройства мірской судьбы дочери, а съ другой стороны выдающіяся достоинства и таланты юной невѣсты обращали на нее общее вниманіе, потому что она «изучила священное чтеніе и письмо и нѣкоторую часть псалтири» (гл. 5). Супруги начали вести жизнь согласную и добродѣтельную. Но въ 826 году на островъ Егину напали сарацины, многихъ изъ жителей захватили въ плѣнъ, а нѣкоторыхъ убили. Θεодора и ея мужъ избавились отъ вражескаго меча, но, не вынося зрѣлища ежедневно угрожающей опасности неожиданнаго нашествія язычниковъ, они рѣшились оставить родину и переселились въ городъ Θεссалонику, подъ покровъ и защиту великомученика Димитрія. У нихъ въ то время было уже трое дѣтей, изъ коихъ двое скоро умерли, а оставшаяся въ живыхъ дочь, шести лѣтъ отъ роду, была пострижена въ ессалоникійскомъ монастырѣ апостола и евангелиста Луки, гдѣ и подвизалась подъ руководствомъ игуменіи Екатерины, сестры ессалоникійскаго митрополита и исповѣдника Антонія († 843 г.). По смерти мужа, Θεодора и сама рѣшилась постричься въ монашество, имѣя 25 лѣтъ отъ роду. Свое намѣреніе она осуществила въ ессалоникійскомъ монастырѣ первомученика Стефана, въ пользу коего пожертвовала и все свое имущество. Далѣе въ житіи рѣчь идетъ о подвигахъ св. Θεодоры, объ искушеніяхъ, воздвигаемыхъ противъ нея дьяволомъ, нечистыми помыслами, нѣжностью къ дочери, находившейся въ томъ же монастырѣ и осужденной переносить суровый и

строгий образъ жизни, довольствоваться скуднымъ питаніемъ и рубищемъ вмѣсто одежды. Преподобная Теодора скончалась на 85 году жизни, 29 августа 892 года, послѣ 55-ти-лѣтняго подвижничества въ монастырѣ. Послѣ своей кончины она была прославлена многими чудесами; писатель житія былъ очевидцемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Кромѣ свѣдѣній о св. Теодорѣ, во вновь изданномъ житіи ея содержатся историческія данныя и касательно другихъ лицъ. Таковъ, на примѣръ, длинный вставочный эпизодъ объ Антоніи Исповѣдникѣ, митрополитѣ Фессалоникійскомъ, обличившемъ императора Льва Армянина за иконоборство и подвергшемся за это изгнанію (гл. 10—19), а также—упоминанія объ Иоаннѣ, митрополитѣ Солунскомъ (гл. 45), Евѣиміи, стратигѣ въ Седмивратныхъ Оивахъ (гл. 56), и др. Вообще, оригинальное житіе препод. Теодоры Фессалоникійской довольно богато историческими данными. Почтенный его издатель оказалъ важную услугу византійской наукѣ, опубликовавъ его впервые въ полной редакціи и, при посредствѣ русскаго перевода, сдѣлавъ доступнымъ и для неспеціалистовъ. Текстъ житія предваренъ небольшимъ предисловіемъ и снабженъ указателемъ собственныхъ именъ.

В. Э. Регель, *Χρυσόβουλλα καὶ γράμματα τῆς ἐν τῷ Ἀγίῳ Ὁρει Ἁθῶ ἱερᾶς καὶ σεβασμίας μεγίστης μονῆς τοῦ Βατοπεδίου. Ἐν Περτρούπολει. 1898. Σελ. VIII+82.*— Настоящее изданіе составляетъ небольшую часть обширнаго труда, предпринятаго В. Э. Регелемъ и имѣющаго содержать въ себѣ хрисовулы и грамоты всѣхъ монастырей на Святой горѣ Аѳонской («Χρυσόβουλλα καὶ γράμματα τῶν ἐν τῷ Ἀγίῳ Ὁρει Ἁθῶ ἱερῶν μονῶν»). Здѣсь помѣщены хрисовулы и грамоты только одного аѳонскаго монастыря, именно Ватопедскаго. Всего въ настоящемъ сборникѣ опубликовано 24 документа. Они расположены въ слѣдующемъ порядкѣ.

Подъ № I находится хрисовула императора Андроника II Палеолога касательно владѣній Ватопедскаго монастыря, данный въ 1292 году. Хрисовула написана обычнымъ языкомъ официальныхъ византійскихъ грамотъ подобнаго рода: послѣ небольшого введенія, гдѣ императоръ выставляетъ на видъ свою преимущественную заботу о поддержаніи монастырей старыхъ и нуждающихся въ помощи (каковъ и монастырь Ватопедскій), а не о постройкѣ обителей новыхъ, перечисляются различныя владѣнія Ватопеда, а затѣмъ повелѣвается монастырю неотъемлемо и спокойно пользоваться ими.

Такого же рода и слѣдующій документъ (№ II), представляющій хрисовулу императора Андроника II Палеолога о владѣніяхъ Ватопедскаго монастыря, данный въ 1301 году.

Подъ № III помѣщенъ хрисовула императора Андроника II Палеолога отъ 1324 года касательно независимости и свободы монастыря во имя Иоанна Предтечи, называвшагося Петра и находившагося въ городѣ Веррин. Этотъ монастырь былъ вновь воздвигнутъ щитоносцемъ царя Теодоромъ Сарантиномъ, который, желая сдѣлать его свободнымъ и не-

зависимымъ, исколоталъ соотвѣтствующую грамоту у современнаго константинопольскаго патріарха, а затѣмъ обратился съ подобною же просьбою къ императору Андронику II. Послѣдній и выдалъ упомянутому монастырю свой хрисовуллъ на право независимости и владѣнія пожалованною монастырю землею.

Документъ № IV представляетъ собою хрисовуллъ о владѣніяхъ Ватопедскаго монастыря, данный въ 1329 году императоромъ Андроникомъ III Палеологомъ; въ числѣ метоховъ монастыря здѣсь упоминается и веррійскій монастырь св. Іоанна Предтечи, о которомъ говорится въ предыдущемъ документѣ.

Слѣдующій документъ (№ V) содержитъ хрисовуллъ императора Іоанна Палеолога отъ 1344 года, данный монахинѣ Ксеніи Султанинѣ на право получать ежегодную аренду въ сто золотыхъ монетъ (ὄπασπύρων), въ награду за службу ея покойнаго мужа.

Далѣе (№ VI) помѣщена копія съ хрисовулла сербскаго царя Стефана о владѣніяхъ Ватопедскаго монастыря, отъ 1346 года; отрывокъ этого хрисовулла былъ раньше напечатанъ проф. Т. Флоринскимъ въ его «Аѳонскихъ актахъ» (СПБ. 1880, стр. 97—98).

Подъ № VII находится хрисовуллъ императора Іоанна Палеолога, данный Ватопедскому монастырю въ 1356 году на право владѣнія морскимъ судномъ, свободнымъ отъ разнаго рода повинностей.

Документъ № VIII представляетъ копію съ грамоты великаго domestика Алексѣя Ласкаря Метохита относительно земли Святаго Маманта, или Стиларіонъ, которую онъ въ 1369 году пожертвовалъ Ватопеду на поминъ своей души; кромѣ того, жертвователъ представилъ въ кассу монастыря двѣсти золотыхъ монетъ, на тотъ случай, что, еслибы онъ захотѣлъ въ старости поселиться въ Ватопедскомъ монастырѣ, послѣдній обязанъ былъ дать ему келлію и содержать его. Копія дарственной грамоты Алексѣя Метохита подписана епископомъ Ериссо и Святой Горы Исаакомъ.

Слѣдующій документъ (№ IX) есть копія съ питтакія вселенскаго патріарха Антонія IV отъ 1395 года, даннаго монахомъ монастыря τῆς Κοσινίτζης по поводу спора между ними и иноками Ватопеда изъ-за мельницы на рѣкѣ Панаксѣ: на этой рѣкѣ уже находилась мельница Ватопедскаго монастыря, а монахи обители Косиницы построили здѣсь и свою мельницу, вопреки запрещенію патріаршаго экзарха и митрополита Серрскаго; за это патріархъ Антоній лишилъ права священнодѣйствія тѣхъ изъ иноковъ Косиницкаго монастыря, которые имѣли тотъ или иной священный санъ, а простыхъ монаховъ отлучилъ отъ церкви, до того времени, когда они уничтожатъ свою мельницу. Этотъ питтакій уже былъ напечатанъ въ изданіи Миклошича и Мюллера «Acta et diplomata» (t. II, p. 240—241).

Подъ № X напечатана копія съ питтакія вселенскаго патріарха Антонія IV отъ 1395 года по поводу спора изъ-за мельницы между

Ватопедскимъ монастыремъ и нѣкоей Софією, причемъ патріархъ признаетъ правду на сторонѣ послѣдней и повелѣваетъ Ватопеду уступить. И эта грамота была раньше опубликована въ упомянутомъ изданіи Миклошича и Мюллера (t. II, p. 246—248).

Документъ № XI представляетъ собою грамоту великаго хартуларія Ласкаря Метохита отъ 1405 или 1420 года касательно земли Св. Маманта или Стиларионъ, пожертвованной раньше Ватопедскому монастырю (см. № VIII); здѣсь точно указаны границы подареннаго имѣнія и сдѣлано его описаніе.

Слѣдующій документъ (№ XII) представляетъ копию сургилія того-же великаго хартуларія Ласкаря Метохита отъ 1406 или 1421 года касательно одного владѣнія, подареннаго Ватопеду и находившагося близъ земли Св. Маманта; и здѣсь указываются границы имѣнія и сдѣлано его описаніе.

Подъ № XIII помѣщенъ хрисовуллъ императора Іоанна Палеолога отъ 1407 года. Въ этомъ хрисовуллѣ предварительно говорится о грѣхопадѣніи человѣка по навожденію діавола, о вочеловѣченіи Сына Божія для спасенія людей, о почитаніи Его умомъ, словомъ и дѣломъ и о долгѣ царей преимущественно предъ другими прославлять Бога за его особенное къ нимъ благоволеніе, а затѣмъ сообщается, что императоръ Іоаннъ возобновилъ стѣну вокругъ города Палины или Потидеи на полуостровѣ Кассандрскомъ, сдѣлавъ ее гораздо лучше и крѣпче, чѣмъ она была въ древности, соединилъ каналомъ заливы Өермайскій и Торонайскій и такимъ образомъ превратилъ материкъ въ островъ; на этомъ островѣ былъ произведенъ посѣвъ хлѣба, десятину коего царь рѣшилъ отдать въ пользу монастырей. Въ настоящемъ хрисовуллѣ онъ и опредѣляетъ, чтобы десятина всего сбора хлѣба на островѣ была раздѣлена на 24 части, изъ коихъ четыре части должны поступить въ пользу монастыря во имя Христа Вседержителя (Пантократора) въ Константинополѣ, четыре — въ пользу Великой Лавры на Аѳонѣ, четыре — въ пользу Ватопедскаго монастыря, пять частей — въ пользу царскаго монастыря Іоанна Предтечи въ городѣ Өессалоникѣ, четыре — въ пользу Ксиропотамскаго монастыря во имя Сорока Святыхъ и три части — въ пользу монастыря св. Павла на Аѳонѣ. Такой порядокъ полученія десятины упомянутыми монастырями долженъ существовать во все время царствованія Іоанна Палеолога. Послѣ же смерти царя, во владѣніе этихъ монастырей долженъ перейти почти весь островъ съ его посѣвами, стадами пасущагося здѣсь рогатаго скота и живущими на землѣ крестьянами, причемъ раздѣленіе этого острова между монастырями должно быть произведено по аналогіи съ прежнимъ полученіемъ ими десятины зерноваго хлѣба. Монастыри обязаны за это совершать поминовеніе жертвователя въ церквахъ за богослуженіемъ. Имъ дается хрисовулломъ право вѣчно и неотъемлемо пользоваться подаренными владѣніями. Отрывокъ этого хрисовулла былъ напечатанъ ранѣе епископомъ Порфиріемъ Успенскимъ въ его «Исторіи Аѳона» (т. III, ч. 2, стр. 660—661; срав. ч. 1, стр. 179—180).

Далѣе (№ XIV) опубликованъ хрисовуллъ императора Мануила II Палеолога отъ 1414 года касательно участка Χροῦλη на островѣ Лимносѣ, принадлежавшаго прежде родственнику царя Мирксѣ, а по смерти его подареннаго царемъ въ пользу Ватопедскаго монастыря, по просьбѣ его игумена Аѳанасія и на поминъ души прежняго его владѣльца.

Документъ № XV содержитъ грамоту римскаго папы Евгенія отъ 1439 года, которою давалось разрѣшеніе отъ грѣховъ всѣмъ поклонникамъ Ватопедскаго монастыря, прибывающимъ сюда для истиннаго покаянiя и исповѣданiя своихъ прегрѣшенiй въ праздникъ Дѣвы Маріи. Этотъ документъ былъ ранѣе опубликованъ въ «Исторіи Аѳона» епископа Порфирія Успенскаго (т. III, ч. 2, стр. 661—662, ч. 1, стр. 181—182).

Документъ № XVI содержитъ грамоту царя Арагоніи и двухъ Сицилій Альфонса отъ 1456 года, кою царь обѣщаетъ поддержку и помощь монастырю Ватопедскому и всей Святой Горѣ Аѳонской, въ виду завоевательныхъ нашествiй турокъ, и обезпечиваетъ безопасность отъ враговъ всѣмъ аѳонскимъ учрежденiямъ и владѣнiямъ.

Слѣдующій документъ (№ XVII) есть копія съ грамоты сербскаго деспота Георгія отъ 1485 года, гдѣ за Ватопедскимъ монастыремъ признается право получать изъ сербской казны ежегодно 60 литръ серебра и владѣть селомъ Копривницею; это право было дано монастырю еще отцемъ Георгія деспотомъ Стефаномъ и было вновь подтверждено Георгіемъ по просьбѣ ватопедскихъ иноковъ Даніила и Герасима.

Документъ № XVIII представляетъ грамоту русскаго царя Θεодора Иоанновича отъ 1589 года, данную Ватопедскому монастырю на право собирать въ Россіи милостыню въ пользу этого монастыря. Грамота дана по просьбѣ Ватопедскаго игумена Пахомія, приславшаго въ Москву своего еkkлисіарха Григорія. Она фотографически воспроизведена покойнымъ Севастьяновымъ и въ этой копіи хранится въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.

Далѣе (№ XIX) опубликована грамота молдавскаго воеводы Иоанна Іереміи Могилы отъ 1606 года, гдѣ сообщается, что въ пользу Ватопедскаго монастыря пожертвовала церковь въ Яссахъ и многія свои владѣнiя княгиня Анна съ сыномъ Михаиломъ, вдова Иоанна Голъи Логоета, на поминъ души мужа и своихъ родственниковъ; Ватопедскій монастырь имѣетъ право неотъемлемо владѣть подаренными ему участками земли, крестьянами и церковью, а взамѣнъ того обязанъ совершать поминальныя богослуженiя о мужѣ и родственникахъ княгини Анны, если же послѣдняя окажется въ бѣдности, то и содержать ее.

Слѣдующій документъ (№ XX) содержитъ синодальный сгиллій вселенскаго патріарха Кирилла Лукариса отъ 1622 года касательно метоха Просфорія. Изъ-за этого метоха произошелъ споръ между монастырями Ватопедскимъ и Иверскимъ, которые и обратились по этому дѣлу къ суду вселенскаго патріарха Кирилла Лукариса. Ватопедцы представили

въ священный патріаршій синодъ хрисовулъ императора Іоанна Палеолога и грамоту общаго аеонскаго собранія, коими подтверждается, что метохъ Просфорій издавна принадлежалъ Ватопедскому монастырю. Основываясь на этихъ документахъ, а также и на личныхъ показаніяхъ нѣкоторыхъ монаховъ — ватопедцевъ, священный синодъ Константинопольской церкви, во главѣ съ патріархомъ вселенскимъ Кирилломъ и при участіи патріарховъ — Антиохійскаго Кирилла и Іерусалимскаго Теофана, постановилъ, чтобы и впредь метохъ Просфорій принадлежалъ Ватопеду, причемъ подробно указаны границы этого владѣнія.

Далѣе (№ XXI) опубликована грамота русскаго царя Михаила Теодоровича отъ 1627 года, данная Ватопедскому монастырю по просьбѣ игумена Игнатія на право сбора милостыни въ Россіи. Грамота заимствована изъ собранія Севастьянова въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.

Подъ № XXII находится грамота русскаго царя Алексѣя Михайловича отъ 1656 года касательно пожертвованія Ватопедскому монастырю 1800 рублей. Въ грамотѣ сообщается, что въ Москву пріѣзжалъ игуменъ Ватопеда архимандритъ Дамаскинъ и привезъ съ собою животворящій крестъ Господень и главу св. Іоанна Златоуста; эти святыни были оставлены царемъ въ Москвѣ, а взамѣнъ ихъ монастырю посланъ былъ денежный даръ въ 1800 рублей. Грамота эта сфотографирована была покойнымъ Севастьяновымъ и хранится въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ.

Подъ № XXIII помѣщено завѣщаніе Роксандры Домны Хмельницкой, воеводянки и господаровны земель Молдавскихъ, относящееся къ 1667 году. Въ немъ сообщается, что Роксандра пожертвовала Ватопедскому монастырю Рашковскій монастырь св. Николая и три села — Климовцу, Снѣновку и Авксентіево. Копія сего завѣщанія хранится въ русскомъ скитѣ св. Андрея на Аѳонѣ въ фотографіи, снятой Севастьяновымъ.

Наконецъ, документъ № XXIV представляетъ грамоту царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и царевны Софіи Алексѣевны, данную Ватопедскому монастырю въ 1688 году на право получать изъ русской казны ежегодно по 500 рублей, взамѣнъ тѣхъ святынь, которыя были привезены въ Москву при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (см. № XXII), и на право пріѣзжать въ Россію для сбора милостыни въ каждый четвертый годъ. Грамота выдана по просьбѣ Ватопедскаго игумена Косьмы. Она была сфотографирована покойнымъ Севастьяновымъ и въ этомъ видѣ хранится теперь въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ и въ русскомъ скитѣ св. Андрея на Аѳонѣ.

Таково содержаніе документовъ Ватопедскаго монастыря, изданныхъ В. Э. Регелемъ. Мы рассмотрѣли ихъ лишь весьма кратко, но и такой обзоръ открываетъ ихъ высокую научную цѣнность. Византологія пріобрѣтетъ весьма дорогой даръ, когда В. Э. Регель издастъ полное со-

браніе хрисовулловъ и грамотъ всѣхъ Аѳонскихъ монастырей, часть коихъ такъ удачно опубликована имъ въ настоящемъ изданіи Ватопедскихъ документовъ, исполненномъ по истинѣ образцово.

Востокъ христіанскій. Александрійская патріархія. Сборникъ матеріаловъ, изслѣдованій и записокъ, относящихся до исторіи Александрійской патріархіи. Томъ I. Составленъ епископомъ Порфиріемъ Успенскимъ. Изданіе Императорской Академіи Наукъ подъ редакціею Хр. М. Лопарева. С.-Петербургъ. 1898. Стр. СХХVII + 415 + 32. — Настоящій громаднѣйшій томъ представляетъ одно изъ посмертныхъ изданій многочисленныхъ ученыхъ трудовъ приснопамятнаго епископа Порфирія Успенскаго, нашего знаменитаго византолога-путешественника, поступившихъ, по завѣщанію автора, въ рукописномъ видѣ въ распоряженіе Императорской Академіи Наукъ и теперь постепенно выходящихъ въ свѣтъ подъ редакціею уполномоченныхъ Академіею лицъ. Томъ содержитъ матеріалы, изслѣдованія и записки, касающіяся мало разработанной въ наукѣ исторіи Александрійской церкви въ Египтѣ, и состоитъ изъ предисловія, принадлежащаго редактору изданія Х. М. Лопареву, и восьми главъ матеріаловъ и изслѣдованій, собранныхъ и составленныхъ епископомъ Порфиріемъ Успенскимъ.

Въ *предисловіи* г. редактора (стр. I—СХХVII) помѣщенъ историческій очеркъ Александрійскихъ патріарховъ, начиная отъ перваго изъ нихъ, апостола Марка, и оканчивая скончавшимся 22-го августа 1899 г. патріархомъ Софроніемъ IV. Обыкновенно, г. Лопаревъ сообщаетъ о каждомъ изъ патріарховъ все, что ему извѣстно изъ различныхъ источниковъ, иностранныхъ и русскихъ, въ частности изъ новой книги епископа Порфирія, стремясь, по возможности, придать своимъ сообщеніямъ цѣльность и законченность. Относительно нѣкоторыхъ патріарховъ это ему удается и этюды о нихъ отличаются полнотою содержанія, о другихъ же сообщаемыя свѣдѣнія весьма кратки и даже лаконичны (стр. IV, XXXVI). Въ заключеніи предисловія г. Лопаревъ пишетъ, что православный Александрійскій патріархатъ, какъ видно изъ обзора его историческихъ судебъ, имѣлъ чрезвычайно сложное прошлое, испыталъ много тяжелыхъ потрясеній. Основанный въ Египтѣ, онъ, казалось, имѣлъ задачей просвѣтить свѣтомъ христіанства всю Африку. Но съ первыхъ же вѣковъ христіанство подверглось здѣсь преслѣдованію язычества и хотя число новообращенныхъ увеличивалось, предстоятели церкви должны были спасаться въ горахъ и пустыняхъ. Въ цвѣтущую пору патріархата, когда въ немъ насчитывалась будто бы до 150 епископій, появляются ереси въ самомъ сердцѣ православія; епископы Александрій не безъ успѣха борются съ савеліанствомъ, аріанствомъ, несторіанствомъ, но окончательной побѣды не одерживаютъ даже при помощи авторитета и вооруженной силы Византіи. Вмѣшательство греческой имперіи въ церковныя дѣла Египта, напротивъ, содѣйствовало еще большей розни въ населеніи. Діоскориты, казалось, навсегда отдѣлились отъ православной

партіи и, считая себя носителями истиннаго ученія Христова, образовали свою особую церковь — яковитскую. Взаимная борьба христіанъ-грековъ (мельхитовъ) съ христіанами-туземцами (яковитами, коптами), имѣвшая перемѣнный успѣхъ, также не могла содѣйствовать процвѣтанію патріархата. Въ VII вѣкѣ, когда Египетъ былъ занятъ магометанами, положеніе партій рѣзко обрисовалось: мельхиты, не прерывавшіе связи съ Византіею и оказавшіе сопротивление арабскому оружію, подверглись страшному преслѣдованію, тогда какъ яковиты, перешедшіе на сторону мусульманъ, получили въ Египтѣ привилегированное положеніе. Православіе около столѣтія не имѣло своихъ представителей и стояло на краю гибели; между тѣмъ яковитская церковь росла и крѣпла: она распространила свое вліяніе на Эіопію и подчинила еѣ своему духовному авторитету. Но и ея цвѣтущее состояніе продолжалось недолго. Въ VIII вѣкѣ православная церковь нѣсколько оправилась. Взаимная борьба обѣихъ партій подъ арабскимъ господствомъ не могла также содѣйствовать процвѣтанію патріархата. Съ XIII вѣка замѣчается въ Египтѣ латинское вліяніе, которому въ извѣстной степени поддается яковитская церковь, появляются латинскіе Александрійскіе патріархи. Православіе еще болѣе бѣднѣетъ и слабѣетъ. Въ XVI вѣкѣ Египетъ былъ занятъ Турками. Положеніе патріархата еще болѣе ухудшилось. Продажность турецкихъ чиновниковъ дала мѣсто всевозможнымъ интригамъ, и православные патріархи должны были многое переносить какъ отъ произвола самого правительства, такъ отъ богатыхъ латинянъ и яковитовъ. Чувствуя ненависть къ папизму и всячески противодѣйствуя латинскому вліянію, Александрійскіе патріархи неожиданно нашли себѣ новыя средства для борьбы — въ нѣмецкой реформаци; они стали противодѣйствовать папизму тѣми же приемами, что лютеране и кальвинисты, вышли изъ границъ православнаго ученія и впали въ крайность, усвоивъ въ своихъ сочиненіяхъ духъ протестантизма. Наиболѣе рельефнымъ борцемъ съ кальвинистическою подкладкою является бичъ папства, знаменитый Кириллъ Лукарисъ. Къ счастью, опасность для православія миновала, какъ только прошелъ острый періодъ религіозныхъ споровъ, и уже патріархи второй половины XVII вѣка были строго православными. Получая сравнительно большіе доходы изъ своихъ угровлашскихъ имѣній и щедро вспомооществуемый Россіею, патріархатъ немного оправился. Но учрежденіе въ XVIII вѣкѣ «палестинскихъ штатовъ» повело къ сокращенію доходовъ изъ Россіи, бѣдственный 1821 годъ нанесъ ударъ доходамъ изъ Угровлахіи, а румынская секуляризація монастырскихъ имуществъ 1863 года въ корнѣ подорвала матеріальныя средства Александрійскаго престола. Въ настоящее время кафедра св. Марка занимаетъ самое скромное мѣсто какъ по своему территориальному объему (съ тремя митрополіями) и численности православной паствы, такъ и по своимъ денежнымъ средствамъ; но она есть одинъ изъ первостепенныхъ устоевъ, на которыхъ утверждена первымъ вселенскимъ соборомъ православная церковь, и потому заслуживаетъ самой

любвеобильной заботливости о ней. Много вѣковъ Россія оберегала эту жемчужину православія и ей же, по завѣту знаменитаго епископа Порфирія Успенскаго, должна и въ будущемъ принадлежать забота объ интересахъ православной церкви въ Египтѣ (стр. СXXXVI и СXXXVII).

Въ главѣ *первой* вновь опубликованнаго труда епископа Порфирія Успенскаго (стр. 1—13) помѣщенъ такъ называемый Діонисіевскій каталогъ Александрійскихъ патріарховъ. Этотъ каталогъ былъ составленъ для епископа Порфирія въ 1845 году въ Каирѣ архидіакономъ Александрійскаго патріарха Героея Діонисіемъ, по имени коего и названъ Діонисіевскимъ. С писатель извлекъ его изъ стариннаго кодекса патріархіи. Въ этомъ каталогѣ перечислены 113 Александрійскихъ патріарховъ, начиная съ Марка и оканчивая Героеемъ (съ 1825 года), причемъ отмѣчены годы патріаршества каждаго изъ нихъ и сдѣланы краткія замѣчанія о дѣятельности ихъ. Этотъ каталогъ не имѣетъ важнаго значенія, потому что сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія о дѣятельности патріарховъ слишкомъ недостаточны по своей краткости и лаконизму, да къ тому же хронологическія данныя каталога во многихъ случаяхъ ошибочны, какъ это было извѣстно и самому епископу Порфирію, который имѣлъ въ виду впоследствии «сличить этотъ каталогъ съ другими и исправить годы», но не успѣлъ этого сдѣлать.

Во *второй* главѣ (стр. 13—15) находится такъ называемый Патріаршій каталогъ Александрійскихъ патріарховъ, извлеченный епископомъ Порфиріемъ изъ одного кодекса въ библіотекѣ Александрійской патріархіи и содержащій въ себѣ краткія сообщенія о 19-ти Александрійскихъ патріархахъ, въ періоды отъ 1453 до 1825 года, т. е. отъ Іоакима Пани до Θεофила III включительно. И этотъ каталогъ имѣетъ мало значенія, такъ какъ и небогатъ содержаніемъ, и касается лишь немногихъ патріарховъ.

Глава *третья* (стр. 15—66) содержитъ въ себѣ выписки, относящіяся до нѣкоторыхъ Александрійскихъ патріарховъ. Здѣсь, прежде всего, помѣщенъ большой рассказъ о патріархѣ Іоакимѣ Пани (1486—1565), заимствованный епископомъ Порфиріемъ изъ одной греческой рукописи. Въ рассказѣ сообщается объ избраніи Іоакима на патріаршую Александрійскую кафедру, его добродѣтельной жизни и благотворномъ нравственномъ воздѣйствіи не только на христіанъ, но и на египетскаго правителя Мелекъ-Миназа, котораго онъ, посредствомъ чудесныхъ состязаній съ евреями о православной вѣрѣ, обратилъ будто бы въ христіанство, — о нѣкомъ благочестивомъ мужѣ Симеонѣ, сотрудникѣ Іоакима въ посрамленіи невѣрныхъ, и о кончинѣ Іоакима. Далѣе слѣдуютъ выписки — о томъ же Іоакимѣ и о патріархѣ Сильвестрѣ и Кириллѣ Лукарисѣ, заимствованныя изъ «Турко-Греціи» Мартина Крузія и изъ «Церковной исторіи» аѣинскаго митрополита Мелетія. Слѣдующій документъ (§ 144) содержитъ краткое житіе патріарха Герасима Паллада (1688—1710), взятое изъ греческой рукописи въ Каирской патріаршей

библіотекѣ. Здѣсь разсказывается о происхожденіи Герасима, его обширномъ образованіи, полученномъ въ Венеціи, и о дѣятельности въ званіи Александрійскаго патріарха. Далѣе находится небольшое сообщеніе епископа Порфирія о патріархѣ Самуилѣ Капасулѣ (1710—1723) и выписки изъ исторіи Аванасія Комнина о патріархахъ Космѣ II (1723—1737), Космѣ III (1737—1746) и Матееѣ (1746—1766). Ко времени патріаршества послѣдняго изъ нихъ, т. е. Матеея, относятся и другіе документы, опубликованные въ разсматриваемой книгѣ. Таковъ, прежде всего, бератъ (§ 150), данный патріарху Матеею турецкимъ султаномъ въ 1757 году, предоставлявшій патріарху много правъ, большой кругъ самостоятельности и гарантію его положенія. Бератъ помѣщенъ въ греческомъ текстѣ и русскомъ переводѣ. Онъ заимствованъ епископомъ Порфиріемъ изъ бібліотеки Александрійской патріархіи. Остальные документы (§§ 155—164) изъ эпохи патріарха Матеея расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) грамота жителямъ Туниса отъ 1763 года о замѣнѣ бывшаго у нихъ протосинкелла Серафима нѣкимъ морейскимъ священникомъ; 2) посланіе въ Триполь отъ 1765 года по поводу замѣны іеромонаха Хрисанеа іеромонахомъ Агаангеломъ; 3) грамота отъ 1765 года, данная монастырю св. Саввы касательно замѣны игумена Матеея протосинкелломъ Леонтіемъ; 4) посланіе протосинкеллу Мисаилу, который въ 1765 году былъ назначенъ патріаршимъ епитропомъ Рахити, взамѣнъ коллегии локмадовъ; 5) посланіе къ Антиохійской паствѣ отъ 1766 года, извѣщающее ее объ избраніи новаго Антиохійскаго патріарха, бывшаго Халепскаго митрополита Филимона, и отправленное изъ Константинополя; 6) посланіе Александрійской паствѣ отъ 1766 года, увѣдомляющее ее о намѣреніи патріарха Матеея отказаться отъ Александрійской кафедры и предизбраніи имъ своего преемника въ лицѣ архимандрита Кипріана; 7) посланіе Александрійской паствы Константинопольскому патріарху Самуилу отъ 1766 года, въ которомъ александрийцы описываютъ бѣдственное состояніе своего престола и просятъ Самуила принять мѣры къ тому, чтобы указанный Матееемъ кандидатъ безпрепятственно занялъ Александрійскій престолъ; 8) посланіе александрийцевъ патріарху Матеею, проживавшему въ Константинополѣ, отъ 1766 года, гдѣ они выражаютъ свое сожалѣніе по поводу отказа Матеея отъ престола и свое согласіе на избраніе новаго патріарха въ лицѣ архимандрита Кипріана. Слѣдующій документъ (§ 166) есть посланіе преемника Матеея, патріарха Кипріана, отъ 1766 года, отправленное протосинкеллу Мисаилу въ Рахити съ извѣщеніемъ о его вступленіи на Александрійскій престолъ и съ предложеніемъ принять мѣры къ болѣе экономному веденію дѣлъ. Далѣе находится посланіе патріарха Герасима III отъ 1783 года, отправленное Іерскому епископу Авксентію на островѣ Критѣ, по поводу Александрійскаго метоха на этомъ островѣ, отданнаго въ аренду упомянутому епископу по 40 grosievъ ежегодно. Послѣднія выписки разнаго содержанія (§§ 170—174) относятся ко времени патріарха Пароенія II (1787—1804).

Изъ обзора содержанія третьей главы въ книгѣ епископа Порфирія можно видѣть, что она имѣетъ важное значеніе для исторіи Александрійской церкви. Нѣкоторые изъ документовъ, помѣщенныхъ здѣсь, опубликованы въ первый разъ, а именно: житіе патріарха Герасима Паллада, султанскій берать, данный патріарху Матѳею, всѣ остальные грамоты изъ временъ этого патріарха и посланія Кипріяна и Герасима III, рассказъ о патріархѣ Іоакимѣ Пани, хотя издается и не «въпервые», какъ утверждаетъ г. Лопаревъ (стр. I), тѣмъ не менѣе очень важенъ, какъ неизвѣстная доселѣ редакція этого рассказа, представляющая нѣкоторыя любопытныя разночтенія; наконецъ, не безъ значенія и остальные выписки изъ печатныхъ книгъ, помѣщенные въ этой главѣ: онѣ даютъ возможность не обращаться къ рѣдкимъ и дорогимъ изданіямъ, не всегда доступнымъ для интересующихся читателей.

Глава *четвертая* (стр. 66—117) содержитъ въ себѣ изслѣдованія епископа Порфирія о нѣкоторыхъ Александрійскихъ патріархахъ. Изслѣдованія произведены на основаніи трудовъ: Ренодота, Ванслеба, Іоанна Соллерія, Елмачина, Макриси, Абуль-Фараджа, Геддеса, Лакроза, Евтихія, Евагрія и другихъ. Въ настоящей главѣ авторомъ предварительно обзрѣваются труды перечисленныхъ писателей, а за тѣмъ идутъ изысканія о патріархахъ: св. евангелистѣ Маркѣ, Аніанѣ, Авиліи, Кердонѣ, Примѣ, Іустѣ, Евменіи, Маркѣ, Келадіонѣ, Агриппинѣ, Іуліанѣ, Димитріи, Ираклѣ, Діонисіи, Максимѣ, Θεонѣ, св. Петрѣ и Евлокіи. О нѣкоторыхъ изъ нихъ (евангелистѣ Маркѣ, свв. Діонисіи и Петрѣ) изслѣдованія отличаются обстоятельностью. Вообще, четвертая глава содержитъ немало интереснаго матеріала, тщательно обслѣдованнаго и заботливо собраннаго изъ разныхъ источниковъ.

Глава *пятая* (стр. 118—288) заключаетъ въ себѣ громаднѣйшій и богатѣйшій матеріалъ по вопросу о сношеніяхъ Александрійскихъ патріарховъ съ Россією. Матеріалъ расположенъ по отдѣламъ, каждый изъ коихъ относится ко времени того или иного патріарха, и характеризуетъ сношенія съ Россією слѣдующихъ Александрійскихъ владыкъ: Іоакима Пани, Сильвестра, Мелетія, Кирилла, Герасима I, Никифора, Іоанникія, Палсія, Парѳенія, Герасима II, Самуила, Космы, Матѳея, Іероея I, Іероея II, Каллиника, Іакова и Никанора; такимъ образомъ матеріалы третьей главы обнимаютъ періодъ времени отъ 1533 до 1867 года. Матеріалы состоятъ изъ грамотъ и посланій разнаго рода, коими обмѣнивались между собою Александрійскіе патріархи и русскіе цари и императоры. Эти документы представлены здѣсь или въ греческомъ текстѣ, или же въ русскомъ переводѣ и изложеніи. На основаніи ихъ можно нарисовать отчетливую, но вмѣстѣ съ тѣмъ и однообразную картину сношеній Александрійскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ. Посланія патріарховъ содержатъ въ себѣ преимущественно описаніе бѣдствій и нужды, кои удручаютъ Александрійскій престолъ, и всегда заканчиваются просьбою о милостынѣ: это основной мотивъ сношеній

Египта съ Россією. Посланія патріарховъ вполнѣ достигали своей цѣли, и русское правительство, какъ видно изъ нѣкоторыхъ отвѣтныхъ посланий, старалось дѣйствовать по отношенію къ Александрійскому престолу въ духѣ христіанской любви и милосердія.

Опубликованные въ главѣ пятой разсматриваемой книги документы большею частью изданы въ первый разъ и имѣютъ весьма важное значеніе для характеристики положенія Александрійской церкви въ Египтѣ въ XVI—XIX вѣкахъ и ея сношеній съ Россією въ означенное время.

Въ главѣ *шестой* (стр. 289—304) содержится матеріалъ касательно сношеній Александрійской церкви съ Англією въ періодъ отъ 1617 до 1764 года. Матеріалъ и здѣсь расположенъ по отдѣламъ, каждый изъ которыхъ относится ко времени слѣдующихъ патріарховъ: Герасима I, Паисія, Самуила и Матѳея. Изъ времени Герасима I здѣсь помѣщено посланіе этому патріарху нѣкоего Антонія Легерда отъ 1629 года, имѣющее цѣлью завязать религіозно-церковное сношеніе Александріи съ Англією; патріархъ Герасимъ отвѣтилъ ему въ духѣ сочувствія и единенія. Ко времени патріарха Паисія относится грамота его къ англійскому пресвитеру Веніамину относительно религіознаго общенія, представленная здѣсь въ русскомъ изложеніи. Патріархъ Самуиль въ 1712 году написалъ посланіе англійской королевѣ Аннѣ съ просьбою о помощи бѣдствующему престолу (§ 293). Наконецъ, изъ времени патріарха Матѳея здѣсь напечатаны—его посланіе англійскому консулу въ Алжирѣ отъ 1759 года касательно мѣстной православной паствы (§ 295) и два посланія въ Лондонъ отъ 1764 года по поводу желанія нѣкоторыхъ лондонскихъ жителей имѣть у себя православнаго пастыря. Хотя нѣкоторые изъ помѣщенныхъ въ шестой главѣ документовъ были и раньше напечатаны (§ 293 и 295), тѣмъ не менѣе, глава эта имѣетъ свое значеніе, въ виду почти совершенной неизвѣстности фактическихъ данныхъ по вопросу о сношеніи Александрійскихъ патріарховъ съ Англією.

Глава *седьмая* (стр. 304—314) описываетъ сношенія Коптской церкви въ V—IX вѣкахъ съ антиохійцами, греками, абиссинцами, нубійцами и индійцами. Эти сношенія носили религіозно-церковный характеръ. Епископъ Порфирій описалъ ихъ при пособіи «Historia Nestorianorum Mari Solomonis» и расположилъ свѣдѣнія въ порядкѣ коптскихъ патріарховъ, которые вступали въ сношенія съ тѣми или иными народами. Глава очень интересна, въ виду полной неразработанности предмета.

Наконецъ, въ главѣ *восьмой* (стр. 314—415) содержатся приложенія разнаго рода. Они расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) «Сношенія Александрійской церкви съ Римскою по вопросу о кращеніи еретиковъ»,—самостоятельная работа; 2) «Александрійская школа», также самостоятельный трудъ; 3) «Посланіе Александра, епископа Александрійскаго, къ Александру, Константинопольскому епископу, по случаю появленія Аріевой ереси», — заимствовано изъ «Церковной исторіи» св. Θεодорита, епископа Кирскаго; 4) «Епархія Александріи по документамъ императора

Льва Философа», на греческомъ языкѣ, съ хронологической замѣткой; 5) «Списокъ епархій Александрійскаго патріаршаго престола, составленный монахомъ Ниломъ Доксипатромъ въ 1143 году», извлеченный изъ іерусалимской и афонской греческихъ рукописей; 6) «Діонисіевскій каталогъ епархій Александріи», извлеченный изъ кодекса 1681 года, составленного, въ свою очередь, изъ древнѣйшаго и обветшавшаго кодекса; 7) «Записка нѣкоего Евстратія отъ 1751 года о состояніи Александрійской церкви въ XVIII вѣкѣ», описывающая на греческомъ языкѣ религиозно-нравственныя и матеріальныя нужды Александрійскаго престола, развитіе въ Египтѣ иновѣрной пропаганды и мѣры къ возвышенію нравственности въ народѣ, предпринятыя со стороны нѣкоторыхъ Александрійскихъ патріарховъ; 8) «Церковь святителя Николая въ Подкопаяхъ», въ Москвѣ, поступившая въ 1855 году въ вѣдѣніе Александрійскаго патріарха, по опредѣленію Св. Синода; 9) «Попытки въ англиканской церкви къ соединенію съ православною въ XVIII столѣтіи», — сообщеніе, составленное на основаніи книги объ этомъ англійскаго ученаго Thomas'a Lathbury; 10) «Лондонскій митингъ о соединеніи церквей» въ 1865 году, статья изъ «Сѣверной Почты» за этотъ годъ, № 268; 11) «Лондонскій митингъ по вопросу о соединеніи англиканской церкви съ православною», — письмо протоіерея Попова къ оберъ-прокурору Св. Синода графу Д. А. Толстому; 12) «Записка о христіанахъ въ Египтѣ, Абиссиніи, Индіи и Месопотаміи», составленная епископомъ Порфиріемъ и прекрасно знакомящая съ іерархіей Египта въ 1845—1846 годахъ, его духовенствомъ, храмами, училищами, богоугодными заведеніями и монастырями; 13) «Записка о воссоединеніи коптовъ съ православною церковію въ 1861 году», представленная епископомъ Порфиріемъ оберъ-прокурору Св. Синода графу Д. А. Толстому и прекрасно описывающая положеніе Коптской церкви въ текущемъ столѣтіи и весь ходъ переговоровъ нашего путешественника съ коптскимъ патріархомъ Кирилломъ о воссоединеніи ея съ православною церковью; 14) «Прибавки» разнаго содержанія, между прочимъ, «выметка» объ иконахъ изъ «Амфилохій» патріарха Константинопольскаго Фотія.

Къ новому произведенію епископа Порфирія Х. М. Лопаревъ приложилъ полный и обстоятельный *указатель именъ* (стр. 1—32), которымъ и заканчивается рассматриваемый сборникъ.

Безспорно, «Александрійская патріархія» приснопамятнаго русскаго византолога-путешественника, епископа Порфирія Успенскаго, займетъ почетное мѣсто въ громадной библіотекѣ разнообразныхъ его трудовъ, въ ряду коихъ новый памятникъ удивительной учено-литературной дѣятельности нашего автора неизбежно будетъ поражать читателя обиліемъ и разнообразіемъ матеріаловъ, ихъ свѣжестью и оригинальностью, тщательнымъ критическимъ обслѣдованіемъ доступныхъ автору источниковъ, его необыкновенною любовью къ правдѣ и знанію, которою онъ пламенно горѣлъ до конца своей жизни....

Лѣтопись историко-филологическаго общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ. VII. Византійское отдѣленіе. IV. Одесса, 1899, стр. 402.

Въ составъ этого тома вошли слѣдующія статьи византологическаго содержанія.

1. С. Пападимитріу, *Θεοδωρα Πτοχοπροδρομα Μανγανσκιά стихотворенія* (стр. 1—48). Статья г. Пападимитріу имѣетъ ближайшее отношеніе къ его изслѣдованію «Οἱ Πρόδρομοι», помѣщенному въ «Византійскомъ Временникѣ» за 1898 годъ, (т. V, вып. 1 и 2, стр. 91—130). Она написана по поводу новаго списка пяти такъ-называемыхъ Манганскихъ стихотвореній Θεοδωρα Πτοχοπροδρομα, найденнаго въ одномъ венеціанскомъ кодексѣ (Codex Marcianus XI, 22) въ полномъ видѣ, тогда какъ раньше они были извѣстны лишь въ отрывкахъ (въ трудахъ Карла Неймана и Э. Миллера). Стихотворенія названы Манганскими на томъ основаніи, что всѣ они касаются одного событія въ жизни Θεοδωρα Πτοχοπροδρομα, именно его поступленія въ богадѣльню (ἀδελφᾶτον) при Манганахъ и проживанія здѣсь до самой смерти. Г. Пападимитріу въ разсматриваемой статьѣ опубликовалъ Манганскія стихотворенія въ подлинномъ ихъ текстѣ и снабдилъ примѣчаніями. По его сообщенію, первое изъ Манганскихъ стихотвореній (Κλάδε βλαστοῦ πορφυρανθοῦς...) обращено къ императору Мануилу Комнину, написано позже 1153 года и представляетъ собою первую просьбу Θεοδωρα Πτοχοπροδρομα о принятіи его въ богадѣльню при Манганахъ. Второе стихотвореніе (Πορφύραξ ἐγκαλλώπισμα...) написано, вѣроятно, въ томъ же самомъ году, къ которому относится и первое Манганское стихотвореніе, и притомъ, спустя нѣсколько дней послѣ составленія перваго. Послѣ перваго прошенія императоръ Мануиль грамотой опредѣлилъ поэта въ Манганское братство, но старшій экономъ этого учрежденія, Кассіанъ, по неизвѣстной причинѣ, отказался принять его. Въ виду этого поэтъ вынужденъ былъ повторить свою просьбу, въ которой обратилъ вниманіе императора на Кассіана, не исполнившаго царскаго приказанія, и требовалъ новаго распоряженія относительно помѣщенія его въ богадѣльню. И третье стихотвореніе (Καὶ πάλιν ὁ πανατουχῆς...) написано предъ поступленіемъ поэта въ Манганскую богадѣльню, такъ какъ и здѣсь онъ жалуется на то, что его не принимаютъ въ братство. Причина замедленія неясна, равно въ немъ нѣтъ никакихъ историческихъ намековъ на время его составленія. Четвертое стихотвореніе (Ἦδη πάντως ἀπήλλαγμα...) написано, безъ сомнѣнія, послѣ вступленія поэта въ Манганское братство, такъ какъ оно и надписывается λόγος εὐχαριστήριος, и своимъ содержаніемъ показываетъ, что авторъ уже пользуется благами императорскаго дома; время его составленія съ опредѣленностью также неизвѣстно. Наконецъ, пятое изъ Манганскихъ стихотвореній (Ἦδη που τρίτον ἤνυσται...) написано послѣ трехлѣтняго пребыванія поэта въ стѣнахъ Манганскаго братства и, значить, моложе предыдущихъ, по крайней мѣрѣ, на три года. Кромѣ этихъ общихъ за-

мѣчаній о каждомъ Манганскомъ стихотвореніи Θεодора Птохопродрома, г. Пападимитріу сдѣлалъ къ нимъ въ разсматриваемой статьѣ комментаріи историческаго и филологическаго характера, въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно любопытныя, а въ особомъ приложеніи (стр. 207—210) помѣтилъ произведенныя имъ коляціи рукописи.

2. **В. Истринъ**, *Греческіе списки «Завѣщанія Соломона»* (стр. 49—98). Работа г. Истрина исполнена по поводу вновь открытыхъ имъ греческихъ списковъ апокрифа «Testamentum Solomonis», рассказывающаго о сношеніяхъ Соломона съ демонами, главные изъ которыхъ — Ὁρνίας, Βεελζεβοούλ и Ἐφίππας — исполняютъ Соломону разныя порученія, а другіе, въ числѣ тридцати шести, повѣствуютъ ему о своихъ свойствахъ. До послѣдняго времени этотъ греческій апокрифъ былъ извѣстенъ только въ одномъ спискѣ, по которому и изданъ въ СХХІІ томѣ Patrologiae graecae Миня. Нашему автору удалось найти еще три греческихъ списка «Завѣщанія Соломона» хотя и неполныхъ, но содержащихъ въ себѣ данныя касательно состава этого апокрифа. Эти списки слѣдующіе: 1) Аѳонскаго Андреевскаго скита № 73, XV вѣка, 2) Аѳонскаго Діонисіатскаго монастыря № 132, XVI вѣка и 3) Парижской національной бібліотеки Supplém. grec № 500, XVII вѣка. Въ своей статьѣ г. Истринъ занимается анализомъ содержанія вновь открытыхъ редакцій «Завѣщанія Соломона», сравненіемъ ихъ между собою и съ напечатаннымъ у Миня, а въ заключеніи высказываетъ слѣдующіе общіе выводы: а) три списка апокрифа — изданный въ патрологіи Миня, Парижскій № 500 и Андреевскій — представляютъ полную редакцію «Завѣщанія Соломона», а Діонисіатскій — краткую; б) краткая редакція есть болѣе древняя; въ полной редакціи позднѣйшимъ добавленіемъ является подробное описаніе явленія Соломону тридцати шести демоническихъ существъ; в) полная редакція не образовалась изъ той краткой, которая находится въ Діонисіатскомъ спискѣ, но ея оригиналь не совпадалъ съ послѣднимъ во всѣхъ частностяхъ; г) въ первоначальномъ видѣ «Testamentum Solomonis» не былъ собственно завѣщаніемъ, а былъ одной изъ многихъ легендъ, повѣствующихъ о построеніи Соломономъ храма; «Завѣщаніемъ» оно стало уже послѣ распространенія; д) дошедшій до насъ списокъ краткой редакціи не представляетъ оригинала въ чистомъ видѣ: онъ получилъ особое введеніе и потерпѣлъ нѣсколько видоизмѣненій. Въ приложеніи къ статьѣ г. Истринъ издалъ сказаніе — 1) по рукописи Андреевскаго Аѳонскаго скита, а недостающія въ немъ части восполнилъ спискомъ Парижской національной бібліотеки, и 2) по рукописи Аѳонскаго Діонисіатскаго монастыря.

3. **Н. Θ. Красносельцевъ**, *Addenda къ изданію А. Васильева: «Anecdota graeco-byzantina»*. Москва, 1893 (стр. 99—206). Въ богатой византійской литературѣ, пишетъ Н. Θ. Красносельцевъ въ предисловіи къ своему труду, рядомъ съ памятниками высокой цѣнности — произведеніями богословскими, историческими и философскими, составленными людьми высо-

кообразованными и талантливыми — отцами церкви, учителями и философами, имѣется множество произведеній анонимныхъ и псевдонимныхъ, рассчитанныхъ на средній классъ читателей, и, повидимому, составленныхъ людьми средняго образованія съ особою цѣлью популяризовать церковныя и свѣтскія знанія въ средней и малообразованной средѣ, дѣйствуя на нее занимательностью и оригинальностью формы изложенія. Въ смыслѣ научной, богословской и философской доброкачественности они, конечно, весьма малоцѣнны, но тѣмъ не менѣе заслуживаютъ прилежнаго и серьезнаго изученія, какъ памятники весьма сложной и вліятельной культуры. Въ нихъ мы, безъ сомнѣнія, найдемъ драгоцѣнныя черты средневѣковаго византійскаго міросозерцанія, въ которомъ на почвѣ христіанства столкнулись между собою религіозно-поэтическія представленія, наслѣдованныя Византіей, съ одной стороны, отъ древнихъ восточныхъ, а съ другой, отъ западныхъ классическихъ народовъ, найдемъ указанія на смѣну и борьбу различныхъ вліяній въ области идей, вращавшихся въ среднемъ византійскомъ обществѣ, а главное, — найдемъ характеристику міросозерцанія средняго класса, полуинтеллигентной массы, всегда преобладающей. Англійскій ученый Робинсонъ (*Texts and Studies. Cambridge. 1893*) сравниваетъ изученіе этого рода произведеній литературы съ путешествіемъ по проселочнымъ дорогамъ съ цѣлью изученія жизненной обстановки, общественнаго и частнаго быта провинціи и вообще народной массы. Но, не смотря на важность и интересъ изученія указаннаго рода памятниковъ, до послѣдняго времени они почти вовсе не привлекали къ себѣ вниманія ученыхъ византинистовъ. Это объясняется чрезвычайнымъ богатствомъ византійской литературы, изученіе коей естественно должно было начаться съ произведеній отцевъ и учителей церкви, историковъ, философовъ и другихъ писателей; въ виду обширности и разнообразія этихъ произведеній, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что мелкія анонимныя и псевдонимныя сочиненія, наполняющія средневѣковые греческіе кодексы, оставались въ сторонѣ. Лишь въ самое послѣднее время ученые заинтересовались и произведеніями послѣдняго рода. Впервые серьезное вниманіе обратили на нихъ русскіе ученые и именно историки русской литературы, которые на первыхъ же страницахъ этой исторіи встрѣчались съ вопросомъ о вліяніи византійской литературы на русскую и, для изученія всѣхъ подробностей этого вліянія, неизбежно должны были заняться тщательнымъ обслѣдованіемъ мелкихъ византійскихъ статей популярнаго и апокрифическаго характера, ихъ изданіемъ въ свѣтъ и сліченіемъ съ памятниками древне-славянской книжной литературы. Одну изъ попытокъ въ этомъ направленіи сдѣлалъ г. А. Васильевъ, издавшій томъ византійскихъ произведеній апокрифическаго характера подъ заглавіемъ: «*Anecdota graeco-byzantina*» (Москва, 1893), въ который вошли 18 нумеровъ различнаго содержанія. Но преждевременная смерть помѣшала этому ученому довести свое дѣло до конца. Н. О. Красносельцевъ, теперь также покойный, знавшій объ изъясненной

научной потребности, во время неоднократных своих поѣздокъ на Востокъ для занятія въ тамошнихъ библіотекахъ, не пропускалъ случая извлекать изъ греческихъ рукописей такіе тексты, которые были пригодны для указанной цѣли, и въ настоящемъ трудѣ и издалъ эти тексты.

Всѣ, изданные Н. О. Красносельцевымъ, тексты раздѣляются на два отдѣла. Къ *первому* относятся тексты, служащіе оригиналами и источниками для нашей славяно-русской «Бесѣды трехъ святителей», которая была занесена въ древне-русскій индексъ запрещенныхъ апокрифическихъ книгъ, но тѣмъ не менѣе принадлежала къ числу особенно распространенныхъ въ древне-русской письменности, особенно любимыхъ и вліятельныхъ сочиненій. Содержаніе «Бесѣды» было основательно усвоено народомъ и она послужила главнѣйшимъ источникомъ извѣстнаго духовно-народнаго стиха «О голубиной книгѣ». Историки древне-русской литературы усердно занимались выясненіемъ происхожденія и исторіи этой «Бесѣды» и нѣкоторые изъ нихъ были склонны думать, что «Бесѣда» образовалась на русской почвѣ, хотя и подъ византійскимъ вліяніемъ. Н. О. Красносельцевъ и раньше имѣлъ случай высказать общій тезисъ о полной зависимости славяно-русской «Бесѣды» отъ неизвѣстныхъ греческихъ оригиналовъ, но подробности исторіи «Бесѣды» на славяно-русской и особенно византійской почвѣ можно было уяснить лишь послѣ изданія возможно большаго числа списковъ этого памятника какъ греческихъ, такъ и славянскихъ. Имѣя въ виду оказать и свое содѣйствіе въ рѣшеніи этого вопроса, Н. О. Красносельцевъ издалъ въ настоящемъ трудѣ двѣнадцать новыхъ списковъ греческой Бесѣды, собранныхъ имъ въ восточныхъ рукописныхъ библіотекахъ. Списки эти слѣдующіе: 1—2) два списка изъ рукописи XV—XVI вѣка библіотеки лавры св. Аѳанасія на Аѳонѣ, 3) изъ рукописи Аѳоно-Пантелеимоновской библіотеки XVIII вѣка, № 779; 4) по рукописи Иерусалимской библіотеки св. Саввы, № 429, отъ XVI вѣка, сличенной съ рукописью Аѳонской Кутлумушской библіотеки № 251, XVI вѣка, и дополненной переводомъ турецкой рукописи Пантелеимоновской библіотеки, XVIII вѣка; 5) по рукописи Аѳоно-Пантелеимоновской библіотеки XVII вѣка, № 787, съ важнѣйшими вариантами по рукописи XVI вѣка, № 824; 6) по рукописи Пантелеимоновской библіотеки № 824, XVI вѣка; 7) по рукописи той-же библіотеки № 317, XVI вѣка; 8) по рукописи той-же библіотеки XV вѣка, № 153; 9) по рукописи Ватопедской библіотеки XV вѣка, № 37; 10) по рукописи Иерусалимской библіотеки св. Саввы, № 697, XIII вѣка; 11) по рукописи Святогробской библіотеки въ Константинополѣ XVII вѣка, № 136; 12) по рукописи Неаполитанской библіотеки, XVI вѣка (Codex Borbonicus П. С. 34). Большая часть этихъ списковъ «Бесѣды» анонимна и помѣщена въ рукописяхъ или безъ заглавія, или подъ заглавіемъ: 'Ερωτήσεις..., 'Ερωταποκρίσεις..., 'Αποφθέγματα καὶ διηγήματα и т. п.; иные же списки псевдонимны и встрѣчаются съ именами свв. Василія, Григорія и Аѳана-

сія, а также Льва мудраго, Солунскаго митрополита, современника патриарха Фотія. По поводу вновь опубликованныхъ греческихъ списковъ «Бесѣды» Н. Θ. Красносельцевъ высказываетъ нѣсколько цѣнныхъ сужденій объ этомъ апокрифѣ. Такъ, по вопросу о времени происхожденія «Бесѣды» въ греческой литературѣ нашъ ученый высказываетъ предположеніе, что оно относится къ половинѣ V-го вѣка, а по вопросу о редакціяхъ греческой «Бесѣды» полагаетъ, что самая древняя, вполне опредѣленная и законченная редакція есть та, которая начинается словами: ἑρώτ. πότε ἐπλάσεν ὁ Θεὸς τὸν Ἀδάμ; ἀπόκρ. ὡς λόγος δημιουργίας ἐν ἑκτῇ ἡμέρᾳ... и издана Н. Θ. Красносельцевымъ еще въ 1890 году въ брошюрѣ: «Къ вопросу о греческихъ источникахъ «Бесѣды трехъ святителей» (Одесса); наконецъ, по вопросу объ основахъ и источникахъ греческой «Бесѣды» нашъ авторъ утверждаетъ, что эти источники были многочисленны и разнообразны, и нѣкоторые изъ нихъ онъ указываетъ въ своемъ изслѣдованіи.

Къ первому отдѣлу изданныхъ Н. Θ. Красносельцевымъ греческихъ списковъ «Бесѣды» онъ присоединилъ еще два, имѣющіе съ первыми много общаго, а именно: 1) Ἑρωτήματα διάφορα περὶ ἱερῶν по рукописи Кутлумушской библіотеки на Аѳонѣ № 178, XIII вѣка, гдѣ содержится краткое объясненіе различныхъ принадлежностей священнаго чина и церковной утвари, и 2) Прѣніе Панагіота съ Азимитомъ по рукописи той-же Кутлумушской библіотеки № 177, XVII вѣка.

Второй отдѣлъ изданныхъ проф. Красносельцевымъ памятниковъ содержитъ въ себѣ только три списка: 1) Διδασκαλία τῶν ἁγίων ἀποστόλων... по рукописи библіотеки Аѳонскаго Андреевскаго скита XVI вѣка, № 96; 2) «Πρόκλου ἀρχιεπισκόπου λόγος καὶ διάλυσις τοῦ ἁγίου Πάτερ ἡμῶν» по той-же рукописи и по рукописи Кутлумушской библіотеки № 177; 3) «Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου λόγος ... περὶ τῆς ἁγίας Κυριακῆς καὶ τῆς θείας λειτουργίας» по упомянутой рукописи Андреевскаго скита. Къ этимъ спискамъ добавлена статья изъ славянской рукописи Московской синодальной библіотеки XVI вѣка, № 318, подъ заглавіемъ: «Ображенія церковная». Всѣ перечисленные памятники второго отдѣла имѣютъ между собою много общаго и весьма близко примыкаютъ по своему содержанію и характеру къ извѣстному древнему апокрифу, называемому «епистолія о недѣлѣ».

4. В. Истринъ, *Апокрифическое мученіе Никиты* (стр. 211—304). Изслѣдованіе составлено по поводу открытыхъ авторомъ новыхъ списковъ апокрифическаго мученія Никиты, какъ греческихъ, такъ и славянскихъ, изъ которыхъ имъ были приняты во вниманіе слѣдующіе списки: 1) Вѣнской Придворной Библіотеки codex historicus № 126, въ которомъ недостаетъ начала, дополненнаго изъ списка Парижской Національной Библіотеки Suppl. gr. № 126; 2) Вѣнской Придворной Библіотеки codex historicus № 57, XIII—XIV вѣка; 3) Парижской Національной Библіотеки Fonds grecs № 769, XIII вѣка; 4) Венеціанской Библіотеки Св.

Марка App. Class. II, cod. XC, XII вѣка; 5) славянскій списокъ Церковно-историческаго музея при Кіевской Духовной Академіи 1489 года (Четья); 6) Аѳонскаго Хиландарскаго монастыря № 75, XV вѣка (славянскій); 7) Ундольскаго № 1296, XVI вѣка, также славянскій, и другіе. Всѣ означенные списки въ общемъ сходятся между собою, но въ частностяхъ различаются. Г. Истринъ въ своемъ изслѣдованіи и занимается сравненіемъ, со стороны текста и содержанія, всѣхъ этихъ списковъ, положивши въ основаніе Вѣнскій 57, при чемъ разсматриваетъ существенныя части «Мученія» Никиты въ слѣдующемъ порядкѣ: исторія увѣрованія Никиты въ истиннаго Бога, перечисленіе его мученій, эпизодъ съ дьяволомъ въ темницѣ, сказаніе о смерти и заключеніе. Въ приложеніи къ изслѣдованію изданы въ подлинномъ текстѣ списки «Мученія» — Вѣнскій № 57, Вѣнскій № 126, Парижскій № 769, Хиландарскій № 75, Ундольскаго № 1296, Кіевскій духовно-академическій 1489 года.

5. П. Лавровъ, *Дамаскинъ Студитъ и сборники его имени «Дамаскинъ» въ юго-славянской письменности* (стр. 305—384). Дамаскинъ Студитъ принадлежитъ къ числу извѣстныхъ греческихъ писателей XVI вѣка. Онъ родился въ Θεσσαλονικῆς, былъ сперва здѣсь иподіакономъ, потомъ епископомъ литскимъ и рендинскимъ въ митрополіи сервійской и, наконецъ, митрополитомъ навпактскимъ и артскимъ. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ историко-литературныхъ сочиненій, а болѣе всего онъ извѣстенъ какъ популярный проповѣдникъ и авторъ составленнаго имъ сборника проповѣдей подъ заглавіемъ «Θησαυρός». Этотъ сборникъ былъ неоднократно напечатанъ на греческомъ языкѣ, получилъ широкое распространеніе въ юго-славянской литературѣ и извѣстенъ также въ русско-славянскомъ переводѣ. Причина обширной извѣстности Θησαυρός'а заключается въ томъ, что помѣщенныя здѣсь проповѣди приурочены къ годовому кругу церковной службы, отличаются значительными достоинствами въ расположеніи матеріала, въ драматизмѣ изложенія, въ обильномъ пользованіи святоотеческой и иной литературою и написаны на простонародномъ греческомъ языкѣ, который былъ вполне доступенъ и духовенству южныхъ славянъ. Не касаясь вопроса о характерѣ проповѣдей Дамаскина Студита и оцѣнки его проповѣдническаго искусства, г. Лавровъ излагаетъ въ своей статьѣ судьбу сборника «Θησαυρός» на славянскомъ югѣ. Данныя для изслѣдованія онъ почерпаетъ изъ 28 извѣстныхъ ему списковъ этого сборника, нѣкоторые изъ коихъ (рукописи Народной Библіотеки въ Бѣлградѣ №№ 318 и 129, рукопись г. Михайловскаго или Нѣжинскій Дамаскинъ, рукопись библіотеки Книжовнаго Дружества въ Софіи, рукопись Болгарскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія) онъ кратко и описываетъ, сравниваетъ ихъ между собою, дѣлитъ на группы и высказываетъ тѣ или иныя филологическія о нихъ сужденія. Въ приложеніи помѣщены отрывки изъ рукописи Дамаскина Студита № 50 (1480) 16 собранія Севастьянова въ Румянцевскомъ музеѣ.

6. Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς, *Εἰς καὶ μόνος Θεόδωρος Πρόδρομος*

(стр. 385—402). Въ этой статьѣ, написанной по-гречески, А. И. Пападопуло-Керамевсъ доказываетъ, что византійскій писатель XII вѣка, извѣстный съ именемъ Θεодора Προδρομα, былъ только одинъ, а не два, какъ полагаетъ г. Пападимитріу, отличающій Θεодора Προδρομα отъ Θεодора Πτοχοπροδρομα, а тѣмъ болѣе — не три, какъ допускаетъ г. Хаджидакисъ, который съ двумя писателями съ именемъ Θεодора Προδρομα отождествляетъ и третьяго, по имени Ιλαρίωνα. Вопреки послѣднимъ двумъ ученымъ, А. И. Пападопуло-Керамевсъ, на основаніи анализа содержанія нѣкоторыхъ стихотвореній, показываетъ, что Θεοδορὸς Προδρομὸς былъ одинъ и только одинъ; это онъ подтверждаетъ и эпитафіей, написанной Θεοδορῷ Προδρομῷ, въ монашествѣ Николаю, нѣкимъ инокомъ Петромъ и открытой нашимъ ученымъ въ кодексѣ XIV вѣка изъ бібліотеки православной патріархіи въ Каирѣ.

Творенія Оригена, учителя Александрійскаго, въ русскомъ переводѣ. Изданіе Казанской Духовной Академіи. Выпускъ I. О началахъ (съ введеніемъ и примѣчаніями). Казань, 1899 г., стр. XLVIII+386+LXII.—При Казанской Духовной Академіи предпринято изданіе въ русскомъ переводѣ произведеній духовно-христіанской святоотеческой письменности III вѣка, которыя большею частью неизвѣстны въ русскомъ переводѣ или же существуютъ въ переводахъ старыхъ и мало-удовлетворительныхъ. Между прочимъ, Казанскою Академіею изданъ уже въ русскомъ переводѣ капитальный трудъ знаменитаго Александрійскаго учителя Оригена — «Ο αρχαῖς — Περὶ ἀρχῶν», представляющій первый опытъ научно-систематическаго изложенія христіанскаго вѣроученія. Это замѣчательное произведеніе до послѣдняго времени было извѣстно русскимъ читателямъ только въ отрывкахъ или же въ свободномъ переложеніи. Теперь оно сдѣлалось доступнымъ русской публикѣ во всемъ его объемѣ, въ хорошемъ переводѣ, исполненномъ по тексту въ изданіи Миня (т. XI). Переводъ предваренъ прекраснымъ введеніемъ, гдѣ изложено содержаніе сочиненія «Περὶ ἀρχῶν», оцѣнено его научное значеніе и рассказана его историко-литературная судьба. Къ переводу приложены примѣчанія реально-филологическаго содержанія.

Творенія Святого Ипполита, епископа Римскаго, въ русскомъ переводѣ. Изданіе Казанской Духовной Академіи. Выпускъ I. Толкованія на книгу пророка Давида. Казань. 1898 г., стр. LVII + 170. Выпускъ II. О Христѣ и антихристѣ. — О кончинѣ міра, объ антихристѣ и второмъ пришествіи Христовомъ. — Противъ Ноэта. — Слово на день Богоявленія. Казань. 1899 г., стр. 130 + XXVI. — И настоящее изданіе относится къ той серіи произведеній древне-христіанской святоотеческой письменности III вѣка въ переводѣ на русскій языкъ, опубликованіе которой предпринято Казанской Духовной Академіей. Въ упомянутыхъ двухъ выпускахъ твореній Св. Ипполита, епископа Римскаго, кромѣ перечисленныхъ въ заглавіи его произведеній, предложенныхъ въ русскомъ переводѣ, помѣщенъ обстоятельный очеркъ его жизни и литературной дѣятельности,

сдѣланы историко-библиографическія предисловія къ каждому произведе- нію и приложены реально-текстуальныя примѣчанія. Переводъ твореній Св. Ипполита исполненъ по новѣйшему ихъ изданію Ахелиса въ трудѣ, предпринятомъ Прусскою Академіею Наукъ, подъ заглавіемъ: *Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte*. Leipzig. 1897.

Василій Нарбековъ, *Номоканонъ Константинопольскаго патріарха Фотія съ толкованіемъ Вальсамона*. Часть I. Историко-каноническое изслѣдованіе. Часть II. Русскій переводъ съ предисловіемъ и примѣчаніями. Казань. 1899 г., стр. XIV + 249 + X + 578 + L. — Главная цѣль настоящаго труда состоитъ въ томъ, чтобы представить русскій переводъ знаменитаго канонико-юридическаго памятника — Номоканона Фотія съ толкованіемъ Вальсамона, имѣющаго весьма важное значеніе въ наукѣ права церковнаго и гражданскаго, византійскаго и русскаго. Этому переводу профессоръ Нарбековъ, въ интересахъ читателей византійскаго памятника, предпослалъ историко-критическое о немъ изслѣдованіе, въ которомъ поставилъ задачу показать, какихъ результатовъ въ новѣйшее время достигла наука церковнаго права въ рѣшеніи тѣхъ или другихъ вопросовъ касательно Номоканона Фотія съ толкованіемъ Вальсамона и, гдѣ можно, высказать свое собственное сужденіе или, по крайней мѣрѣ, мнѣнія мало-обоснованныя подтвердить и твердо обосновать документальными данными, добытыми путемъ непосредственнаго изученія самаго памятника, дабы читатель даннаго памятника могъ найти въ этомъ изслѣдованіи, если не положительное, то, по крайней мѣрѣ, болѣе вѣроятное рѣшеніе тѣхъ или другихъ касательно него вопросовъ. Этой исторіи Номоканона Фотія съ толкованіемъ Вальсамона и посвящена первая часть труда г. Нарбекова. Въ заключеніи ея (стр. 247—249) приводятся слѣдующіе выводы, къ коимъ пришелъ почтенный изслѣдователь на основаніи тщательнаго изученія Номоканона патріарха Фотія и литературы о немъ.

1) Около 580 года въ Константинополѣ неизвѣстнымъ авторомъ былъ составленъ канонико-юридическій сборникъ, извѣстный подъ именемъ «Синтагмы въ XIV титулахъ».

2) Сборникъ этотъ въ своей первоначальной редакціи состоялъ изъ трехъ частей: первая часть заключала въ себѣ только цифровыя цитаты церковныхъ правилъ, безъ свѣтскихъ законовъ, распределенныя систематически на главы, съ особыми надписями; въ XIV титулахъ; вторая часть заключала въ себѣ текстъ церковныхъ правилъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ; третью часть составлялъ систематическій сборникъ церковно-гражданскихъ постановленій, дошедшій до насъ, по общепринятому мнѣнію ученыхъ канонистовъ, въ позднѣйшей уже передѣлкѣ — въ сборникѣ, извѣстномъ теперь подъ названіемъ *Collectio constitutionum ecclesiasticarum*.

3) Въ VII вѣкѣ (между 629 и 640 годами) юристъ, извѣстный подѣ

именемъ Анонима Энантіофана (или Анонима младшаго) обработалъ первую часть Синтагмы въ XIV титулахъ въ Номоканонъ, а именно подъ церковныя правила, процитованныя здѣсь только цифровыми знаками, подставилъ соотвѣтствующіе гражданскіе законы, заимствовалъ ихъ главнымъ образомъ, исключая новеллъ, изъ третьей части Синтагмы или *Collectio constitutionum ecclesiasticarum*, послѣ чего третья часть, какъ уже излишняя, естественно должна была отпасть, о чемъ и свидѣтельствуютъ сохранившіяся рукописи.

4) Кромѣ *Collectio constitutionum ecclesiasticarum*, источникомъ гражданской части Номоканона, а именно извлеченій, недостающихъ въ *Collectio*, послужили сочиненія тѣхъ самыхъ юристовъ, которыя послужили источникомъ и для *Collectio constitutionum ecclesiasticarum*, а именно: извлеченія изъ Институцій, недостающія въ *Collectio*, заимствованы изъ извѣстной *Summa institutionum*; извлеченія изъ Дигестъ, недостающія въ *Collectio constitutionum ecclesiasticarum*, заимствованы изъ комментарія Анонима старшаго, который служилъ источникомъ и для текста Василікъ; извлеченія изъ Кодекса, недостающія въ *Collectio constitutionum ecclesiasticarum*, заимствованы изъ сокращеннаго текста Кодекса проф. Стефана; извлеченія же изъ новеллъ — всѣ заимствованы, помимо *Collectio*, изъ особаго *Epitome novellarum*, слѣды котораго сохранились въ *Epitome ad Prochiron mutata* (Cod. Bodlej. 3399 и Marc. 579) и въ *Epitome Marciana* (Marc. 172).

5) Номоканонъ въ XIV титулахъ въ своей первоначальной редакціи имѣлъ большое употребленіе въ восточной церкви, сравнительно съ другими церковно-практическими сборниками, а въ XI вѣкѣ онъ вошелъ въ большое употребленіе и въ русской церкви.

6) Въ IX вѣкѣ (въ 883 году) Номоканонъ въ XIV титулахъ обработалъ константинопольскій патріархъ Фотій, главнымъ образомъ въ канонической части, дополнивъ ее цифровыми цитатами правилъ VI и VII вселенскихъ соборовъ и двухъ помѣстныхъ — такъ называемаго Двукратнаго 861 года и Софійскаго 879 года.

7) Съ X-го вѣка, со времени возстановленія въ греческой церкви памяти патріарха Фотія, Номоканонъ его получилъ самое широкое употребленіе по всему востоку, не только въ церковныхъ, но и въ гражданскихъ учрежденіяхъ византійской имперіи. А въ XIII вѣкѣ, со времени полученія у насъ митрополитомъ Кирилломъ II болгарской Кормчей, Фотіевъ Номоканонъ сдѣлался извѣстнымъ въ славянскомъ переводѣ и въ русской церкви.

8) Съ XII вѣка, благодаря знаменитому комментарийю Теодора Вальсамона, Номоканонъ Фотія получилъ еще большее практическое значеніе, которое и упрочилось за нимъ въ греческой церкви даже до сихъ поръ.

9) За Номоканономъ Фотія съ комментариемъ Вальсамона нужно признать важное историко-каноническое значеніе и не менѣе важное научно-юридическое значеніе.

10) Въ настоящее время Номоканонъ Фотія съ комментариемъ Вальсамона имѣетъ для насъ главнымъ образомъ значеніе историческое, какъ историческій источникъ права, но въ то же время нельзя отрицать за нимъ и практическаго значенія, подтвержденіемъ чего служатъ, между прочимъ, факты нашей русской церковно-практической правовой жизни.

Вторая часть труда профессора Нарбекова содержитъ въ себѣ русскій переводъ Номоканона патріарха Фотія съ толкованіемъ Вальсамона, предваренный предисловіемъ и снабженный примѣчаніями. Переводъ исполненъ по изданію Ралли и Потли (*Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων*, t. I), новѣйшему и лучшему, при чемъ въ сомнительныхъ и недомѣнныхъ мѣстахъ собственно Номоканона г. переводчикъ обращался за справками къ изданію его у Питры (*Juris ecclesiastici graecorum historia et monumenta*, t. II. 1868), а также нерѣдко сносился и съ изданіемъ Велля и Юстелля (*Bibliotheca juris canonici veteris*, t. II, 1661). Слѣдующая изданію Ралли, г. Нарбековъ на первомъ мѣстѣ своего перевода помѣстилъ героическіе стихи Θεодора Вальсамона о толкованіи его на Номоканонъ, гдѣ церковныя правила и гражданскіе законы поэтически уподобляются неподвижнымъ звѣздамъ и планетамъ, освѣщающимъ пути вселенной, гдѣ восхваляются за свои труды по кодификаціи церковнаго и гражданскаго законодательства Фотій, «патріархъ во вселенной прославленный», и Левъ Премудрый, «могучій властитель надъ міромъ широкимъ». За этими стихами помѣщены стихи того-же Θεодора Вальсамона ко вселенскому патріарху Георгію Ксифиліну, въ которыхъ Вальсамонъ, составившій комментарий на Номоканонъ Фотія, сравниваетъ себя съ гостемъ Аскрейскимъ, прошедшимъ Харибду, и съ древнимъ израильтяниномъ, перешедшимъ Черное море, приписываетъ честь исполненія этого подвига охранѣ патріарха Георгія и проситъ его быть какъ-бы облачнымъ столпомъ его книги, недруговъ египтянъ поглотить и не оставить его и въ будущемъ своимъ руководствомъ на спасительномъ пути. Послѣ этихъ стиховъ, въ переводѣ слѣдуетъ двойное предисловіе къ Номоканону Фотія, затѣмъ индексъ того, какіе соборы и лица и сколько ихъ правилъ вошли въ составъ настоящей Синтагмы, и индексъ XIV-ти титуловъ Номоканона. Наконецъ, слѣдуетъ самый Номоканонъ Фотія съ толкованіемъ Вальсамона, которому предпосылается предисловіе Вальсамона. Переводъ памятника снабженъ многочисленными примѣчаніями. Такъ какъ цифровыя указанія разныхъ законовъ въ Номоканонѣ Фотія и въ толкованіяхъ Вальсамона очень часто расходятся съ позднѣйшими изданіями правовыхъ сборниковъ, то г. Нарбековъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, прежде всего, указываетъ соответствующія цитаты гражданскихъ законовъ, помѣщенныхъ въ Номоканонѣ и толкованіи, по современнымъ изданіямъ правовыхъ сборниковъ, дабы читатель легко могъ отыскать ихъ въ этихъ послѣднихъ, при чемъ указываетъ въ Василикахъ Хеймбаха мѣста многихъ изъ тѣхъ постановленій, которыя отмѣчены у Вальсамона, какъ непринятые въ Василикахъ, и наоборотъ, от-

мѣчаетъ, какъ отсутствующія въ Василикахъ Хеймбаха, нѣкоторыя изъ такихъ постановленій, которыя обозначены у Вальсамона, какъ принятыя, и такимъ образомъ до нѣкоторой степени восполняетъ изданіе Хеймбаха. Въ примѣчаніяхъ г. Нарбековъ восполняетъ также и нѣкоторыя недомолвки Вальсамона, указывая источникъ нѣкоторыхъ постановленій тамъ, гдѣ у Вальсамона нѣтъ такихъ указаній, и вообще указанія источниковъ, сдѣланныя Фотіемъ или Вальсамономъ довольно неопредѣленно, восполняетъ, гдѣ нужно, подробностями, отмѣчая главы и даже параграфы новеллъ, или фрагменты и параграфы Дигестъ и т. п., чего часто нѣтъ у Фотія и Вальсамона, такъ что читатель выдержки изъ законовъ легко можетъ найти въ подлинникѣ. Кромѣ того, г. переводчикъ въ примѣчаніяхъ указываетъ по позднѣйшимъ сборникамъ и цитаты помѣщенныхъ въ комментаріи Вальсамона новеллъ византійскихъ императоровъ и постановленій константинопольскихъ патріарховъ, пользуясь для сего изданіями Бонефидія, Леунклавія, Ралли и Цахаріэ, а также приводитъ цитаты и церковныхъ правилъ по Книгѣ правилъ, если гдѣ нибудь встрѣчается въ этомъ разнорѣчіе. Въ этихъ же примѣчаніяхъ по мѣстамъ отмѣчаются и явныя, по мнѣнію г. переводчика, ошибки въ цитатахъ и даже въ самомъ текстѣ, иногда дѣлаются пояснительныя добавленія къ тексту на основаніи подлиннаго текста законовъ или же на основаніи схолій Василикъ, указываются параллельныя мѣста въ византійскомъ гражданскомъ законодательствѣ и объясняются непонятныя или малопонятныя юридическіе термины и древнія названія разнаго рода, причемъ авторъ пользовался трудами Азаревича, Митюкова, Боголѣпова, Побѣдоносцева, Дыдынскаго, Дюканжа, Рейске и другихъ. Наконецъ, съ цѣлью показать отношеніе Номоканона Фотія къ нашей печатной Кормчей и облегчить пользованіе, въ нужныхъ случаяхъ, этою послѣднею, отличающеюся иногда темнотою и неудобопонятностью, а иногда и неправильностью перевода византійскихъ гражданскихъ узаконеній на славянскій языкъ, г. Нарбековъ въ примѣчаніяхъ указываетъ и соответствующія цитаты гражданскихъ законовъ по нашей печатной Кормчей книгѣ; при этомъ, въ виду того, что текстъ печатной славянской Кормчей есть въ нѣкоторомъ родѣ святыня, нынѣ къ тому же малодоступная, г. Нарбековъ приводитъ даже цѣликомъ славянскій текстъ соответствующихъ церковно-гражданскихъ законовъ по Кормчей книгѣ на ряду съ своимъ русскимъ переводомъ этихъ законовъ по Номоканону Фотія или комментарію Вальсамона, а также и съ греческимъ текстомъ по изданію Ралли. При переводѣ византійскаго памятника профессоръ Нарбековъ старался по возможности соблюдать точность и вѣрность подлиннику и избѣгалъ перифраза, а свои пояснительныя добавленія заключилъ въ скобки. Въ приложеніи къ переводу (стр. I—L) помѣщены три указателя: 1) законовъ изъ *Corpus juris civilis*, которые приводятся въ Номоканонѣ Фотія съ толкованіями Вальсамона, 2) новеллъ византійскихъ императоровъ послѣ Юстиніана и постановленій Константинопольскихъ патріарховъ,

встрѣчающихся въ томъ же памятникѣ, и 3) юридическихъ терминовъ и разныхъ древнихъ названій, находящихся тамъ же.

Трудъ казанскаго профессора В. А. Нарбекова представляетъ замѣчательное явленіе въ наукѣ церковнаго права. Въ первой части этого труда почтенный авторъ прекрасно исполнилъ взятую имъ на себя задачу — подвести итогъ научно-литературныхъ изысканій о Номоканонѣ патріарха Фотія съ толкованіемъ Вальсамона и представилъ здѣсь весьма цѣнное изслѣдованіе исторіи этого памятника и его значенія въ области права. Онъ весьма тщательно изучилъ всю иностранную и русскую литературу предмета и въ своихъ научныхъ выводахъ стоитъ вполне на высотѣ современныхъ научныхъ воззрѣній по вопросу о Номоканонѣ Фотія. Но выше этого изслѣдованія стоитъ вторая и основная часть труда г. Нарбекова — переводъ Номоканона Фотія съ комментариемъ Вальсамона. Почтенный ученый единолично исполнилъ здѣсь весьма трудную задачу, потому что для осуществленія этого труда автору недостаточно было знать византійскій греческій языкъ, но необходимо было изучить искусственный юридическій грекоримскій языкъ средневѣковой Византіи и въ совершенствѣ усвоить его спеціальный смыслъ и употребленіе. Но нашъ ученый не ограничился однимъ переводомъ Номоканона, но снабдилъ этотъ переводъ многочисленными и разнообразными примѣчаніями, стоившими автору, безспорно, весьма упорнаго, кропотливаго и продолжительнаго труда, но сдѣлавшими его работу весьма интересною и полезною. Словомъ, профессоръ Нарбековъ преодолѣлъ большія трудности и издалъ въ свѣтъ замѣчательную работу, которая служитъ прямымъ дополненіемъ другого сочиненія нашего автора «Толкованіе Вальсамона на Номоканонъ Фотія» (Казань, 1889), а также давно изданнаго громаднаго труда Московскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія подъ заглавіемъ: «Правила свв. Апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и святыхъ отцевъ съ толкованіями Зонары, Вальсамона и Аристина». вполне справедливо, поэтому, Казанская духовная академія удостоила нашего автора за разсматриваемое сочиненіе ученой степени доктора церковнаго права.

А. П. Лебедевъ, *Исторія раздѣленія церкви въ IX, X и XI вѣкахъ. Съ подробнымъ указателемъ русской литературы, относящейся къ этому предмету, съ 1841 по 1900 годъ.* Москва, 1900 г., стр. VIII+415.—Новая книга профессора А. П. Лебедева представляетъ пятый томъ полнаго собранія его церковно-историческихъ сочиненій, изданіе коихъ предпринято авторомъ по поводу исполнившагося въ 1895 году 25-ти-лѣтія его учено-литературной дѣятельности. Она обзрѣваетъ исторію взаимныхъ отношеній и споровъ византійской и римской церковей въ IX—XI вѣкахъ, приведшихъ къ ихъ раздѣленію. Книга состоитъ изъ трехъ отдѣловъ, въ каждомъ изъ которыхъ обзрѣвается исторія сношеній Византіи и Рима въ тотъ или другой вѣкъ.

Въ отдѣлѣ *первомъ* рѣчь идетъ о сношеніяхъ Византіи и Рима въ де-

вятомъ вѣкѣ. Отдѣлъ состоитъ изъ введенія и восьми главъ изслѣдованія. Во введеніи (стр. 1—34) почтенный ученый выясняетъ происхожденіе въ нѣдрахъ византійской церкви партій игнатіанской и фотіанской и дѣлаетъ ихъ характеристику. Для уясненія этого вопроса онъ обращается ко временамъ патріарховъ Тарасія, Никифора и Меодія и ставитъ происхожденіе партій игнатіанской и фотіанской въ связь съ тѣми разногласіями и спорами, какіе имѣли мѣсто въ византійской церкви при указанныхъ патріархахъ по поводу такъ называемый *οἰκονομία* въ отношеніи къ законамъ и канонамъ. По воззрѣнію профессора Лебедева, партія патріарха Игнатія по своимъ стремленіямъ, идеаламъ и дѣятельности примыкала къ тѣмъ церковнымъ партіямъ, которыя заявили себя противодѣйствіемъ патріархамъ Тарасію, Никифору и Меодію, проводившимъ въ жизнь принципъ *οἰκονομία*, а партія Фотія представляла собою какъ бы продолженіе дѣятельности и стремленій, какими были одушевлены упомянутые три патріарха въ борьбѣ съ протестовавшими противъ нихъ лицами. Характеристика этихъ двухъ партій и стоявшихъ во главѣ ихъ патріарховъ Игнатія и Фотія, сдѣланная умѣлою рукою профессора Лебедева, вполне подтверждаетъ этотъ его взглядъ.

Въ слѣдующихъ за введеніемъ восьми главахъ перваго отдѣла подробно излагается исторія патріарха Фотія, описываются обстоятельства его двукратнаго патріаршества и столкновеніе съ патріархомъ Игнатіемъ, а главнымъ образомъ повѣствуется о его борьбѣ съ римскими папами въ защиту самостоятельности восточной церкви и въ посрамленіе гордыни Рима. Въ частности, въ главѣ первой (стр. 35—51) описываются сношенія Византіи и Рима отъ начала патріаршества Фотія (857 г.) до собора 861 года, выразившіяся въ столкновеніи Фотія съ римскимъ папою Николаемъ I. Во второй главѣ (стр. 51—64) рѣчь идетъ о константинопольскомъ соборѣ 861 года, именуемомъ Перво-вторымъ или Двукратнымъ, на которомъ былъ осужденъ патріархъ Игнатій. Глава третья (стр. 65—103) описываетъ борьбу папы Николая I съ патріархомъ Фотіемъ съ 861 по 867 годъ, во время которой папа не только лишилъ Фотія патріаршаго и епископскаго достоинства, но и званія простого клирика, требовалъ, чтобы Фотій и Игнатій прибыли въ Римъ на судъ папы, и объявилъ, что Фотій никогда не дождется сянтія съ него запрещенія въ священнослуженіи и утвержденія въ патріаршемъ достоинствѣ; лишь смерть папы Николая въ 867 году прекратила дальнѣйшую его борьбу съ Фотіемъ, а на Константинопольскомъ соборѣ того же года папа былъ осужденъ. Въ главѣ четвертой (стр. 104—126) рассказывается о начальныхъ годахъ (867—869) втораго патріаршества Игнатія, оказавшихся весьма благоприятными для папства въ смыслѣ осуществленія требованій къ восточной церкви со стороны папы Николая. Въ главѣ пятой (стр. 127—200) описывается Константинопольскій соборъ 869—870 года, признаваемый на западѣ VIII вселенскимъ соборомъ; этотъ соборъ имѣлъ десять засѣданій, которыя подробно и разсматриваются здѣсь, и осудилъ па-

тріарха Фотія; однако этотъ соборъ, по словамъ Гергенретера, вскорѣ былъ «совсѣмъ забытъ, остались безъ употребленія и его правила, ни одинъ греческій канонистъ не комментируетъ этихъ правилъ, ни одинъ юридическій сборникъ не приводитъ ихъ текста, они какъ будто бы сквозь землю провалились и только немногія греческія рукописи сохранили сокращенный текстъ актовъ этого собора» (II, 510). Въ главѣ шестой (стр. 201—233) рѣчь идетъ о нестроеніяхъ второго патріаршества Игнатія, о занятіи Фотіемъ, послѣ смерти Игнатія, константинопольской патріаршей кафедрой и объ отношеніи къ нему папъ Адріана II и Іоанна VIII, изъ которыхъ послѣдній призналъ уже Фотія законнымъ патріархомъ. Въ главѣ седьмой (стр. 234—298) рассказывается о константинопольскомъ соборѣ 879—880 года, именуемомъ Софійскимъ и признаваемомъ иногда на Востокѣ VIII вселенскимъ; этотъ соборъ состоялся при участіи папскихъ легатовъ и уполномоченныхъ отъ всѣхъ восточныхъ патріарховъ, имѣлъ семь засѣданій, которыя, по словамъ Гергенретера, прославленіемъ Фотія открылись и этимъ же прославленіемъ закрылись (II, 524), и имѣлъ весьма важное значеніе для византійской церкви, такъ какъ положилъ конецъ смутамъ, возникшимъ здѣсь съ 869 года, и нанесъ ударъ папскому авторитету. Наконецъ, въ главѣ восьмой (стр. 298—301) описывается новая и послѣдняя борьба противъ Фотія папы Іоанна VIII, который остался недоволенъ константинопольскимъ соборомъ 879 года и сталъ требовать отъ византійскихъ властей передачи болгарской церкви въ вѣдѣніе римской кафедрой; получивъ въ этомъ отказъ, онъ въ 881 году произнесъ анафему на Фотія. Въ 886 году патріархъ Фотій вынужденъ былъ оставить Константинопольскую кафедру; онъ скончался 6 февраля 891 года.

Отдѣлъ *второй*, состоящій изъ одной главы (стр. 302—320), обобщаетъ взаимныя отношенія византійской и римской церквей при Константинопольскомъ патріархѣ Николаѣ Мистикѣ (906—925 г.). Эти отношенія, по характеру непріязненныя, возникли по поводу четвертаго брака императора Льва VI Мудраго, противъ котораго возсталъ патріархъ Николай, но который былъ признанъ правильнымъ со стороны римскаго папы Анастасія III, вмѣшавшагося въ дѣла византійской церкви. Патріархъ Николай за свой протестъ былъ лишенъ кафедры и удаленъ въ изгнаніе, однако впослѣдствіи онъ былъ возвращенъ на престолъ и даже вмѣстѣ съ римскими легатами, прибывшими въ Константинополь, предалъ проклятію соблазнъ, произведенный на Востокѣ четвертымъ бракомъ императора Льва VI.

Въ *третьемъ* отдѣлѣ, посвященномъ XI вѣку, описывается окончательное раздѣленіе церквей въ 1053—1054 году (стр. 321—342). Оно состоялось при константинопольскомъ патріархѣ Михаилѣ Керуларіи и римскомъ папѣ Левѣ IX и вызвано ближайшимъ образомъ обличеніемъ заблужденій западной церкви въ письмѣ патріарха Михаила къ епископу Іоанну Транійскому; папа отвѣтилъ на это письмо раскрытіемъ ученія о

главенствѣ римской церкви и уничижительнымъ отзывомъ о церкви константинопольской, а папское посольство, во главѣ съ Гумбертомъ, прибывшее въ Константинополь для политическихъ переговоровъ съ императоромъ Константиномъ Мономахомъ, не встрѣтило въ патриархѣ желанія соотвѣтствовать видамъ и намѣреніямъ папы и, въ своей надменности, дошло до того, что 16 іюля 1054 года анаематствовало константинопольскую церковь съ ея патриархомъ, который 20 іюля того же года отвѣтилъ римской церкви и папѣ тѣмъ-же.

Въ *общемъ заключеніи* (стр. 342—344) своей книги профессоръ Лебедевъ пишетъ, что дѣйствительный поводъ къ окончательному раздѣленію церковей дала церковь римская, которая, какъ положившая начало раздоровъ, должна и нести отвѣтственность за печальныя ихъ слѣдствія предъ судомъ исторіи.

Въ *приложеніи* (стр. 345—415) помѣщенъ критико-библіографическій обзоръ русской литературы, относящейся къ исторіи раздѣленія церковей въ IX—XI вѣкахъ. Здѣсь обзрѣваются труды: А. Н. Муравьева («Правда вселенской церкви о римской и прочихъ патриаршихъ каедряхъ»). Спб. 1841), Анонима («Михаилъ Керуларій, патриархъ константинопольскій»). Кіевъ, 1854), Волкова («Николай Мистикъ...» 1861), проф. А. С. Лебедева, проф. И. М. Добротворскаго, митрополита Герасима Яреда, проф. А. П. Лебедева, проф. Скабалановича, Платонова, Преображенскаго, проф. А. М. Иванцова-Платонова и епископа Іоанна Митропольскаго.

С. Терновскій, *Очерки изъ церковно-исторической географіи. Области восточныхъ патриарховъ православной церкви до IX вѣка.* Съ литографированною картою для изученія древней церковной исторіи. Казань, 1899 г., стр. 334. — Очерки изъ церковно-исторической географіи профессора С. А. Терновскаго составлены въ виду того, что географическія познанія совершенно необходимы для пониманія историческихъ событій. Еще первый церковный историкъ Евсевій, епископъ кесарійскій, и знаменитый толкователь священнаго писанія, блаженный Иеронимъ, считая знаніе библейской географіи необходимымъ для надлежащаго пониманія священной исторіи и священнаго писанія, оставили намъ сочиненія по библейской географіи. Теперь прошло много вѣковъ со времени Рождества Христова, было и много важнѣйшихъ событій въ исторіи новозавѣтной христіанской церкви. Для пониманія ихъ необходимо имѣть подъ руками трудъ по церковной географіи. Между тѣмъ такого труда у насъ нѣтъ. Тѣ географическія свѣдѣнія, которыя пріобрѣтаются изъ существующихъ учебниковъ географіи, совершенно недостаточны для изучающихъ церковную исторію, такъ какъ для нихъ необходимы особыя, спеціальныя географическія познанія. Для нихъ не такъ важно знать о столицахъ, промышленныхъ центрахъ, внѣшнемъ благосостояніи жителей извѣстной страны. Имъ нужно знать о пустыняхъ и монастыряхъ, о храмахъ и благочестіи жителей, о мѣстностяхъ, часто весьма незначительныхъ, но прославленныхъ тѣми или иными церковно-историческими событіями. Въ

виду этого, профессор Терновскій и взялъ на себя задачу составить рядъ очерковъ изъ церковно-исторической географіи. На первый разъ онъ описалъ области восточныхъ патріарховъ православной церкви, ограничившись данными для изученія только древней церковной исторіи (до IX-го вѣка) и притомъ только важнѣйшихъ церковно-историческихъ событій. Свой трудъ г. Терновскій составилъ на основаніи сочиненій — Вильтша, Бингама, Лекіена, Моритца, Рера, Олесницкаго, Норова, епископа Порфирія Успенскаго, Петрова, Дмитріевскаго и другихъ. Онъ состоитъ изъ шести отдѣльныхъ очерковъ.

Въ *первомъ* очеркѣ (стр. 5—114) описывается патріархатъ іерусалимскій. Здѣсь сначала разсказывается о постепенномъ возвышеніи Іерусалима и его епископа и полученіи послѣднимъ правъ патріарха на Халкидонскомъ соборѣ 451 года. Въ составъ іерусалимскаго патріархата, по римскому дѣленію, входили три провинціи: 1) Палестина первая, заключающая въ себѣ часть Галилеи, всю Самарію и всю Іудею и Идумею, 2) Палестина вторая, заключающая въ себѣ большую часть Галилеи и почти всю Заіорданскую страну, и 3) Палестина третья, въ которую входило очень большое, но почти не заселенное пространство къ югу отъ Мертваго моря до Синайскаго полуострова. Естественными границами патріархата были на сѣверѣ Ливанскія горы, на югѣ Синай и Аравійскій заливъ, на западѣ Средиземное море, Египетъ и Героополитскій заливъ, а на востокѣ Пустынная Аравія и заливъ Эланитскій. На этомъ небольшомъ пространствѣ въ V—VI вѣкахъ было до 50 епископій, въ числѣ коихъ было 25 митрополій. Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, авторъ переходитъ къ обзору замѣчательныхъ мѣстностей въ каждой изъ провинцій іерусалимскаго патріархата. Описывая Палестину вторую, онъ предварительно ведетъ рѣчь о Галилеѣ, говоритъ о ея территоріи, плодородіи, населеніи, его нравахъ, религіи и языкѣ, а затѣмъ подробно обозрѣваетъ слѣдующія Галилейскія мѣстности, ознаменованныя тѣми или иными церковно-историческими событіями: Назаретъ, Фаворъ, Кану, Генисаретское озеро, Капернаумъ, Хоразинъ, Виѳсаиду, Магдалъ, Тиверіаду и Кесарію Филиппову; въ такомъ же порядкѣ сдѣлано описаніе и Заіорданской страны или Перей и ея городовъ — Пеллы и Скиѳополя. Въ описаніи Палестины первой сдѣланы предварительныя сообщенія о Самаріи, Іудеѣ и Идумеѣ, а затѣмъ обозрѣваются слѣдующія въ нихъ города и мѣстности: Самарія, Неаполисъ — древній Сихемъ, Кесарія Палестинская, Іоппія или Яффа, Аскалонъ, Газа, Маюма Газская, Лидда или Діосполисъ, Іерусалимъ, горы Сіонъ, Акра, Морія и Везета, Виѳлеемъ, лавра св. Саввы и киновія преподобнаго Θεодосія. Обозрѣвая примѣчательныя мѣстности Палестины третьей, профессор Терновскій описываетъ пустыню Форанъ и гору Синай съ ея монастыремъ.

Во *второмъ* очеркѣ (стр. 115—148) рѣчь идетъ о патріархатѣ александрійскомъ, въ составъ котораго входили весь Египетъ, Ливія и Пентаполь. И здѣсь предварительно сообщается о распространеніи христіан-

ства въ александрійскомъ патріархатѣ, его постепенномъ возвышеніи, населеніи и его особенностяхъ, а затѣмъ описываются слѣдующіе города и мѣстности патріархата: Александрія и ея церкви — Бавкалійская въ честь апостола Марка, Кесаріонъ и св. Іоанна Крестителя, Тмуитъ, Пелузіумъ, Вавилонъ, Арсеноя, Нитрійская пустыня, Скитская пустыня, Оиваида, Ликополь, Комана, Писперъ, монастырь св. Антонія, Тавенна, Пентаполь, Кирена, Птолемаида, Мармарика, Абиссинія или Эѳіопія и южная Аравія съ ея жителями Гомеритами.

Въ *третьемъ* очеркѣ (стр. 149—220) описывается патріархатъ антиохійскій, въ составъ котораго входили римскія провинціи, лежавшія главнымъ образомъ между Средиземнымъ моремъ и Персією и называвшіяся восточными или востокомъ, а именно: Аравія, Финикія, Сирія, Киликія, Исаврія, Месопотамія и провинція Евфратская. Послѣ общихъ замѣчаній о состояніи христіанства въ антиохійскомъ патріархатѣ въ древнее время и о природѣ и населеніи каждой провинціи въ отдѣльности, профессоръ Терновскій описываетъ слѣдующіе города и мѣстности: Бостру, Тиръ, Сидонъ, Беритъ — нынѣ Бейрутъ, Дамаскъ, Пальмиру, Емессу, Антиохію Сирійскую, Дафну, Селевкію Перія, Лаодикею, Апамею, Тарсъ, Аназарбъ, Мопсуестъ, Селевкію Исаврійскую, Самосаты, Иераполь, Киръ, Германицію, Едессу, Амиду и Низибію.

Въ *четвертомъ* очеркѣ (стр. 221—224) описывается церковь на островѣ Кипрѣ съ его городами: Китіумомъ, Тримеунтомъ, Саламиномъ-Констанціей и Арсиноєю.

Въ *пятомъ* очеркѣ (стр. 225—228) рѣчь идетъ о церкви въ Персіи, подъ именемъ которой разумѣется громадная территория, гдѣ были древнія царства: ассирійское, вавилонское, мидійское и персидское. Въ очеркѣ описываются слѣдующія города персидской церкви: Вавилонъ, Ниневія, Экбатана, Персеполь, Селевкія и Суза.

Наконецъ, въ *шестомъ* очеркѣ (стр. 229—334) описывается патріархатъ константинопольскій. Здѣсь сначала говорится объ основаніи Константинополя, состояніи въ немъ христіанства, постройкѣ церквей и монастырей и объ учрежденіи константинопольскаго патріархата, окончательно состоявшемся на четвертомъ вселенскомъ — Халкидонскомъ соборѣ 451 года, 28 правиломъ котораго вѣдѣнію константинопольскаго патріарха были подчинены діоцезы: понтійскій, асійскій и еракійскій, т. е. вся Малая Азія, за исключеніемъ Киликіи и Исаврии, и часть земель на Балканскомъ полуостровѣ. Потомъ описывается провинція понтійскаго діоцеза съ ихъ городами, а именно: Каппадокія (Кесарія, Нисса, Назіансъ, Тіана и Сасима), Армения малая (Севастія и Кукузь), Понтъ Полемаикусъ (Неокесарія, Комана и Трапезунтъ), Геленопонтъ (Амасія и Синопъ), Пафлагонія (Гангра и Амастрида), Галатія (Анкира), Виѳинія (обители — Авксентіева, Олимпійскія и другія, Никомидія, Еленополь, Халкидонъ и Никея). Далѣе сообщается о діоцезѣ азійскомъ, въ составъ котораго входили провинціи: Гелеспонтъ (города Кизикъ и Трояда), Азія (Пергамъ,

Оіатира, Сарды, Филадельфія, Смирна, Ефесъ, острова Патмосъ, Магnezія и Траллы), Фригія (Лаодикей, Іераполь, Колоссы, Пепуза и Дорилей), Карія (Милеть), Ликія (Мура и Патара), Цикладскіе острова, Памфілія (Атталія и Пергія), Ликаонія (Иконія, Листра и Дервія) и Писидія (Антіохія и Оиломелія). Въ составъ еракійскаго діоцеза входили провинціи: Европа (городъ Ираклія), Оракія (Филиппополь), Гемимонтъ (Адріанополь), Родопъ (Траянополь), Скиоія и Мизія нижняя (Маркіанополь, иначе Преслава).

Къ книгѣ профессора Терновскаго приложена литографированная карта патріархатовъ: іерусалимскаго, антіохійскаго, александрійскаго, константинопольскаго и римскаго.

Сочиненіе г. Терновскаго отвѣчаетъ насущной ученой и учебной потребности и, въ силу этого, является весьма полезнымъ. Оно написано прекраснымъ популярнымъ языкомъ, живо и интересно и читается съ удовольствіемъ.

А. П. Лебедевъ, *Церковно-историческія повѣствованія общедоступнаго содержанія и изложенія. (Изъ давнихъ временъ христіанской церкви)*. Москва, 1900 г., стр. 340. — Книга составляетъ девятый томъ полнаго собранія церковно-историческихъ сочиненій профессора А. П. Лебедева. Въ составъ ея вошли *десять* слѣдующихъ статей общедоступнаго содержанія изъ древней исторіи христіанской церкви, изложенныхъ популярно.

1. Поучительныя черты домашней и семейной жизни древнихъ христіанъ (стр. 1—27). Здѣсь рассказывается о томъ, какъ проводили время древніе христіане, какъ они молились, какую употребляли пищу и напитки, какъ относились къ дѣвству и брачному состоянію, какъ воспитывали дѣтей и т. п.

2. Обращеніе императора Константина Великаго въ христіанство (стр. 28—49). По сообщенію автора, обращеніе Константина въ христіанство состоялось частію подъ вліяніемъ на него отца и знакомства съ христіанами, частью же по небесному призванію, выразившемуся въ видѣніи св. Креста.

3. Первый христіанскій императоръ на тронѣ римскихъ цезарей (стр. 50—82). Въ статьѣ характеризуется императоръ Константинъ Великій и на его примѣрѣ показывается, какое могущественное дѣйствіе имѣетъ христіанство на нравственное усовершенствованіе чело-вѣка, какой коренной переворотъ производитъ въ его жизни, открывая для него благороднѣйшія цѣли и средства для ихъ осуществленія.

4. Язычество и христіанство по ихъ вліянію на питомцевъ греческихъ и латинскихъ школъ II, III и IV вѣковъ (стр. 83—132). Въ этомъ историческомъ очеркѣ параллельно описываются языческія и христіанскія школы II—IV вѣковъ въ отношеніи преподаваемыхъ въ нихъ наукъ, учителей, дисциплины и нравственнаго воздѣйствія на учащихся, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшается и тотъ вопросъ, какимъ образомъ христіанскіе юноши, обучаясь въ языческихъ школахъ, выносили отсюда

все полезное и лучшее и отстранялись отъ всего вреднаго и худшаго. Причина заключалась въ глубокомъ религіозно-нравственномъ вліяніи на дѣтей христіанской семьи и въ особыхъ правилахъ, коими христіанскіе юноши руководились въ отношеніи къ языческой наукѣ и учителямъ во все время своего обученія въ языческихъ школахъ.

5. Церковные доходы въ первые вѣка и ихъ употребленіе на дѣла благотворительности (стр. 133—151). Здѣсь сообщается, что въ древнее время почти всѣ церковные доходы, состоявшіе изъ обыкновенныхъ добровольныхъ сборовъ, начатковъ и десятины отъ стяжаній, прибыли отъ недвижимыхъ имуществъ и чрезвычайныхъ сборовъ, шли на дѣла благотворительности, которая въ древности была организована систематически и правильно.

6. Соборъ при «Дубѣ» (403 г.) или тяжкое испытаніе въ жизни св. Іоанна Златоуста (стр. 152—182). Разсматривается о несправедливомъ осужденіи св. Іоанна Златоуста его врагами на соборѣ «при Дубѣ» въ 403 году и удаленіи его въ изгнаніе, изъ котораго однако невинно-осужденный страдалецъ вскорѣ былъ возвращенъ и опять занялъ константинопольскую кафедру.

7. Паломничество въ Святую Землю во времена древней церкви (стр. 183—222). Въ очеркѣ рѣчь идетъ о томъ, какія лица путешествовали въ Палестину въ періодъ до IX вѣка и по какимъ побужденіямъ они совершали это паломничество, какія мѣста преимущественно обозрѣвали во Святой Землѣ и какія выносили впечатлѣнія отъ этого путешествія, какъ смотрѣли на этотъ благочестивый обычай отцы и учителя церкви IV и V вѣковъ и какія произошли въ немъ перемѣны подъ вліяніемъ магометанскаго владычества въ Палестинѣ въ VII вѣкѣ; при этомъ въ очеркѣ представленъ анализъ нѣкоторыхъ произведеній паломнической литературы до IX вѣка.

8. Разказы изъ исторіи христіанской аскетической жизни. 1) Аскетическія пощенія и 2) Аскетическія лишенія въ одеждѣ и жилищѣ (стр. 223—251). Рядъ историческихъ примѣровъ аскетическихъ подвиговъ, вызванныхъ соответствующими нравственно-аскетическими воззрѣніями.

9. Публичныя зрѣлища и голосъ древней христіанской церкви по поводу нихъ (стр. 252—298). Описываются различные виды публичныхъ зрѣлищъ въ древнее время (театральныя представленія, гладіаторскія игры и конскія ристалища) и приводятся сужденія противъ нихъ отцевъ и учителей церкви, постановленія соборовъ и распоряженія императоровъ.

10. Борьба христіанской церкви древнихъ временъ противъ увлеченія азартными играми (стр. 299—324). Описываются виды азартныхъ игръ въ древности и раскрывается отрицательное къ нимъ отношеніе со стороны церкви.

Наконецъ, въ приложеніи помѣщенъ этюдъ подъ заглавіемъ: Про-

исхожденіе монашества (стр. 325—340), въ дополненіе къ статьѣ восьмой. Здѣсь сообщается, что христіанское монашество не есть явленіе оригинально-церковное, а принадлежитъ къ кругу обнаруженій общерелигіознаго или религіозно-философскаго характера. Но оно отличается отъ языческаго аскетизма по идеѣ, такъ какъ въ христіанскомъ монашествѣ преобладаетъ принципъ нравственный, принципъ борьбы духа съ плотію въ видахъ самоусовершенствованія, а въ аскетизмѣ языческомъ преобладаетъ принципъ метафизическій: здѣсь плоть презирается какъ продуктъ злого начала, матерія, препятствующей сліянію съ Единымъ. Монашество появилось прежде всего въ Египтѣ по той причинѣ, что здѣсь преимущественно были развиты идеи аскетизма.

Ю. Кулановскій, *Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и византійскихъ писателей*. Кіевъ, 1899 г., стр. III—72. — Въ этой брошюрѣ профессоръ Ю. Кулаковскій тщательно собралъ свѣдѣнія классическихъ и византійскихъ писателей объ аланахъ, предкахъ нынѣшнихъ осетинъ, обитавшихъ въ южно-русскихъ степяхъ и на сѣверномъ Кавказѣ. Сначала онъ приводитъ свѣдѣнія о населеніи южно-русскихъ степей у Геродота и Страбона, которые называютъ его Скиѳами и Савроматами или Сарматами и вообще довольно противорѣчиво говорятъ относительно территоріи этихъ народовъ. Имя аланъ впервые упоминается во времена Нерона у писателей Сенеки младшаго и Лукана, изъ коихъ первый называетъ аланъ какъ враговъ имперіи на нижнемъ Дунаѣ, а второй помѣщаетъ ихъ въ страхахъ прикавказскихъ. Точное пріуроченіе имени аланъ къ обитателямъ степей передняго Кавказа дано у Іосифа Флавія, который въ описаніи событій іудейской войны сообщаетъ о страшномъ нашествіи съ сѣвера, которому подверглась въ 72 году нашей эры Арменія и Мидія, при чемъ варваровъ, совершившихъ это нашествіе, онъ называетъ аланами, прибавляя въ поясненіе, что это «Скиѳы, обитающіе около Танаиса и Мэотійскаго озера». Объ этомъ нашествіи говоритъ также Тацитъ. Въ 133 году аланы сдѣлали опустошительное нашествіе на Арменію и Мидію и дошли до Каппадокіи. Ихъ призвалъ на помощь царь Иверіи, Фарасманъ II, въ своихъ столкновеніяхъ съ парянами. Царь послѣднихъ Вологезъ III откупился отъ насильниковъ щедрыми подачками, а римляне предприняли противъ нихъ военныя дѣйствія изъ Каппадокіи, гдѣ въ ту пору состоялъ преторомъ Арріанъ, который написалъ объ этомъ специальное сочиненіе подъ заглавіемъ: «*Ἀλανικὴ ἱστορία*». На основаніи сохранившихся скудныхъ фрагментовъ этого сочиненія и свидѣтельства Іосифа Флавія можно пріурочить имя аланъ къ той части сарматскаго племени, которая занимала въ первые вѣка нашей эры сѣверные предгорья средняго Кавказа и степныя пространства къ сѣверу до береговъ Мэотійскаго озера и теченія рѣки Танаиса. Въ концѣ II вѣка нашей эры, подъ вліяніемъ переселенія готовъ, часть аланскаго племени придвинулась къ границамъ имперіи и, сохраняя свою національную особенность, была во враждебныхъ къ ней отношеніяхъ. Въ 242 году близъ

Филиппополя императоръ Гордіанъ III наткнулся на аланскій отрядъ, потерпѣлъ отъ него пораженіе и былъ убитъ. Позднѣе съ ними имѣлъ военное дѣло императоръ Авреліанъ. Подъ вліяніемъ того же нашествія готовъ, аланы проникли и на территорію Крыма. Въ концѣ IV вѣка въ южно-русскія степи явились съ востока новые завоеватели гунны, которые подчинили себѣ аланъ. О нашествіи гунновъ сообщаетъ писатель Амміанъ Марцеллинъ, который въ свое сочиненіе вставилъ и экскурсъ объ аланахъ; онъ помѣщаетъ ихъ къ востоку отъ Мэотиды и теченія рѣки Танаиса, т. е. на исконной ихъ территоріи, и описываетъ какъ племя дикое и воинственное. Будучи подчинены гуннами, аланы принимали (съ 371 г.) непосредственное участіе во всѣхъ дальнѣйшихъ завоеваніяхъ своихъ побѣдителей. Съ ними вмѣстѣ они разрушили державу Эрманриха остготскаго, участвовали въ натискѣ гунновъ на вестготовъ (375 г.) и совершали набѣги на греко-римскую имперію при императорахъ Валентѣ, Граціанѣ и Θεодосіи. При императорѣ Граціанѣ аланы были уже на службѣ имперіи и составляли отдѣльный отрядъ въ числѣ полковъ римской арміи. Аланскій полкъ существовалъ и при преемникахъ Граціана. Въ началѣ V вѣка другая часть аланъ вмѣстѣ съ вандалами, къ коимъ она примкнула, подъ вліяніемъ напора готовъ выселилась въ Галлію. О судьбѣ ихъ въ Галліи профессоръ Кулаковскій также сообщаетъ свѣдѣнія на основаніи западныхъ писателей, а въ заключеніи пишетъ (стр. 45), что аланы подверглись здѣсь культурному вліянію имперіи, слились съ остатками туземнаго романизованнаго населенія и потеряли свою національность. Но та часть племени, которая осталась на родинѣ, сохранила свою политическую и національную самостоятельность и имѣла свою дальнѣйшую исторію. Первое упоминаніе объ аланахъ на ихъ прикавказской родинѣ (послѣ Амміана Марцеллина IV в.) принадлежитъ современнику Юстиніана, Прокопію, который въ описаніи войнъ этого императора нерѣдко говоритъ и объ аланахъ. Въ 576 году аланы, по сообщенію Менандра, были разгромлены турками. Вѣроятно, при императорѣ Иракліи (610—646) аланы были покорены хазарами, такъ какъ за цѣлое столѣтіе отъ конца VI до конца VII вѣка у византійскихъ писателей нѣтъ никакихъ упоминаній объ аланахъ. Въ самомъ началѣ VIII вѣка объ аланахъ упоминаетъ Теофанъ, рассказывающій одинъ эпизодъ изъ жизни императора Льва до вступленія его на византійскій престолъ. Изъ подробностей этого эпизода можно заключить, что аланы въ ту пору жили подъ управленіемъ національныхъ царей, принимали участіе въ международныхъ отношеніяхъ вполнѣ независимо отъ хазарскаго хана и хранили память о своихъ исконныхъ дружескихъ связяхъ съ Византіей. Въ теченіе всего VIII вѣка опять нѣтъ никакихъ упоминаній объ аланахъ въ византійскихъ источникахъ. Но, очевидно, сношенія съ Византіей не прерывались за это время, такъ какъ началу X вѣка принадлежитъ событіе, свидѣтельствующее объ усиленіи вліянія Византіи на этотъ народъ, а именно обращеніе аланъ въ христіанство, состояв-

шеюся въ патриаршество Николая Мистика («Византійскій Временникъ», т. V, вып. 1—2, стр. 1—18). Съ ослабленіемъ хазаръ аланы приобрѣли бѣльшее значеніе въ кругозорѣ византійской политики. Они были дружественнымъ христіанскимъ народомъ въ дальнихъ сѣверныхъ странахъ, на который могла опереться Византія въ своихъ международныхъ отношеніяхъ. Такую именно роль и значеніе даетъ имъ императоръ Константинъ Порфирородный въ сочиненіи *De administrando imperio*. Вообще въ X вѣкѣ аланы представляли значительную политическую силу, съ которою Византія находилась въ постоянныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ и которою она пользовалась въ интересахъ своей политики. И въ послѣдующее время сношенія Византіи съ аланами не прекращались до конца XII вѣка. Въ началѣ XIII вѣка они подверглись нашествію татаръ, но послѣ перваго натиска новаго врага аланы еще не потеряли своей самостоятельности, какъ свидѣлствуютъ венгерскій монахъ Юліанъ, посѣтившій Аланію около 1235 года, и аланскій епископъ Теодоръ, около половины XIII вѣка отправившій посланіе константинопольскому патриарху (Визант. Врем., т. VI, вып. 1 и 2, стр. 235). Таковы же свидѣлства путешественниковъ Плато Карпини и Рубруквисъ (1253 г.). Въ XIV вѣкѣ аланы испытали новый погромъ отъ Тамерлана. Византійскій писатель XV вѣка Лаоникъ Халкондилъ говоритъ о храбрости аланъ, ихъ христіанствѣ и особомъ языкѣ. Наконецъ, свѣдѣнія объ аланахъ въ Крыму сохранились у епископа Теодора, Георгія Пахимера, который сообщаетъ объ участіи аланъ въ событіяхъ XIV вѣка на Балканскомъ полуостровѣ, и у историка Дуки въ разсказѣ о событіяхъ 1462 года.

Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. IV. Выпускъ 1. Софія. Държавна печатница. 1899. Стр. 203.

Въ составъ выпуска вошли слѣдующія статьи.

1. **Θ. И. Успенскій**, *Надпись царя Самуила* (стр. 1—4). Въ селеніи Германъ, по близости отъ озера Преспы, гдѣ въ концѣ X-го въ началѣ XI-го вѣка былъ центръ славянской политической дѣятельности и находилась столица царя Самуила, имѣется славянскій памятникъ первостепенной важности. Это — надгробная плита, найденная, какъ говорятъ мѣстные жители, при постройкѣ новой церкви въ 1888 году и имѣющая славянскую надпись. Каменная плита имѣетъ дл. 1,25 м., шир. 0,52 м. По продольной линіи плиты высѣчены три креста, по бокамъ коихъ замѣтны пробоины, указывающія на то, что сохранившіяся нынѣ углубленія были сдѣланы для металлическихъ крестовъ, прикрѣпленныхъ къ плитѣ гвоздями. Надпись выбита не по всей плитѣ, а занимаетъ только верхній уголъ ея. Надпись заключаетъ въ себѣ свидѣтельство касательно семейной усыпальницы Шишмановичей, и вполне вѣроятно, что скромная Германовская церковь скрываетъ подъ собою могилу и самого Самуила. Надпись заключаетъ въ себѣ слѣдующее чтеніе:

Въ имя отца и сына
и святаго духа а-

зъ Самонлъ рабъ Бо(ж)и
 полагаж память (штъц)
 Ѡ и матери и брат(Ѡ и)
 а кръстѣхъ си(хъ си)
 имена оусъпъш(ихъ ни)
 кола рабъ Божи (.)
 ꙗ дав(ы)дъ, напи(савъ)
 лѣто отъ сътво(реннѣа миро)
 у ꙗѡѡ инъди(ктъ Ѡ)

Филологическій и историко-литературный интересъ настоящей надписи должно оцѣнивать съ той точки зрѣнїя, что это есть живой памятникъ славянскаго языка и письма той эпохи, отъ которой не сохранилось или по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не открыто памятниковъ. Поэтому настоящая надпись ставитъ на очередь новые вопросы по славянской палеографіи и филологіи, восполняя весьма существенный пробѣлъ въ этомъ отношеніи между языкомъ перевода священныхъ книгъ на славянской языкъ и литературными памятниками XI—XII столѣтїя. Независимо отъ того, надпись бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на культурное состояніе этой совсѣмъ темной эпохи славянской исторіи. Уже самое примѣненіе славянскаго языка къ такимъ обиходнымъ потребностямъ, какъ начертаніе надгробной надписи, есть фактъ весьма важный въ разсужденіи эпохи царя Самуила, которая еще недостаточно разъяснена и оцѣнена. Наконецъ, весьма любопытно и то обстоятельство, что царь Самуилъ чтитъ здѣсь память лишь трехъ членовъ своей семьи: отца, матери и брата Давида. Ясно, что всѣ эти лица были погребены въ одной усыпальницѣ, въ церкви св. Германа. Но здѣсь не упомянуты Моисей и Ааронъ, которыхъ въ 993 году повидимому уже не было въ живыхъ. Отецъ Самуила Шипманъ является здѣсь подъ именемъ Николы, можетъ быть, монашескимъ. — Къ статьѣ Ѡ. И. Успенскаго приложенъ и фотографическій снимокъ надписи съ эстампажа, а также и снимокъ самой плиты.

2. Г. Д. Флоринскій, *Нѣсколько замѣчаній о надписи царя Самуила* (стр. 5—13). Въ статьѣ сообщается, что надпись болгарскаго царя Самуила, о которой рѣчь идетъ и въ статьѣ Ѡ. И. Успенскаго, есть древнѣйшій датированный памятникъ славянской письменности. Она старше знаменитаго Остромирова Евангелїя (1056 г.) на 63 года. Значеніе ея увеличивается и вслѣдствіе того, что она ведетъ происхожденіе изъ предѣловъ стараго Болгарскаго царства, изъ Македонїи, гдѣ дѣйствовали ученики св. Меодїя послѣ изгнанїя ихъ изъ Велико-Моравскаго княжества. Одинъ изъ нихъ, св. Климентъ, епископъ Бѣличскій, скончался въ 916 году, значить, всего 77 лѣтъ отдѣляютъ надпись Самуила отъ рукописной традиціи учениковъ свв. Кирилла и Меодїя. Далѣе г. профессоръ Флоринскій приводитъ полный текстъ надписи, какъ онъ

ему представляется, и подробно разсматриваетъ его въ палеографическомъ отношеніи, причемъ сообщаетъ, что общій характеръ письменъ надписи тотъ же самый, какой представляютъ южно-славянскія рукописи XI—XII вѣковъ: это — хорошо извѣстный крупный уставъ, какой видимъ, напримѣръ, въ Супрасльской рукописи или въ Слѣпченскомъ Апостолѣ, или въ Струмницкомъ Октоихѣ. Съ этими древнѣйшими рукописями проф. Флоринскій и сравниваетъ надпись Самуила въ палеографическомъ отношеніи.

Д-ръ Л. Милетичъ, *Къмъ Самуиловия надпись отъ 993 година* (стр. 14—20). Здѣсь, на основаніи надписи болгарскаго царя Самуила 993 года, доказывается, путемъ историческихъ и палеографическихъ соображеній, древность употребленія кириллицы въ Болгаріи и особенно въ югозападной ея части.

3. П. Н. Милюковъ, *Христiанскія древности западной Македоніи. По матеріаламъ, собраннымъ Русскимъ Археологическимъ Институтомъ въ теченіе мѣсячной экскурсіи 1898 года* (стр. 21—151). Состоявшаяся въ 1898 году экскурсія О. И. Успенскаго и П. Н. Милюкова въ предѣлы западной Македоніи имѣла главною своею задачею изслѣдовать мѣстныя церковныя зданія, фрески и надписи христiанской и особенно славянской эпохи. При обиліи и разнообразіи христiанскихъ памятниковъ Македоніи, при большомъ хронологическомъ періодѣ, который они обнимаютъ (VII—XIX в.), не представлялось никакой возможности сдѣлать каждый памятникъ предметомъ спеціальнаго изслѣдованія. Поэтому въ статьѣ г. Милюкова сообщается болѣе или менѣе полный матеріалъ, который былъ открытъ и отчасти обслѣдованъ упомянутою экскурсіей, но который въ будущемъ потребуетъ болѣе спеціальныхъ знаній и болѣе тщательнаго изученія на мѣстѣ. Несомнѣнно однако, что описаніе Македонской старины, предложенное въ статьѣ г. Милюкова, имѣетъ важное значеніе: въ виду полнаго отсутствія въ литературѣ подобныхъ сообщений, оно послужитъ исходнымъ пунктомъ для всякой дальнѣйшей работы въ отмѣченномъ направленіи. Въ статьѣ описаны археологическіе памятники слѣдующихъ городовъ и мѣстностей: Солуни и ея окрестностей, горы Лазарицы, византийской крѣпости «Авретъ-Хиссара», Водены, села Германъ, острововъ Градъ и Аилъ, деревни Винени, острова «Малый градъ», южнаго побережья озера Преспы, долины Корчи, селъ Дрѣнова и Бобоштицы, города Охрида и побережье въ Охридскаго озера, Слимницкаго монастыря и окрестныхъ селъ (въ сѣверо-восточной части Преспанскаго озера), монастыря «Слѣпче» близъ Битоля, Прилѣпа, монастыря Трескавецъ, Маркови кули (башни) близъ Прилѣпа, села Варошъ, мѣстечка Бѣловодица, Скопье, селъ Любитенъ и Кучевиште, монастырей св. Архангела, Маркова и Нерешскаго. Въ заключеніи статьи (стр. 139—149) сдѣлана слѣдующая классификація матеріала, собраннаго экскурсіей. Наболѣе обильный матеріалъ экскурсія дала относительно архитектурныхъ памятниковъ обслѣдованнаго края. Въ ряду этихъ памятниковъ первыми стоятъ истори-

чески связанныя между собою соборныя церкви эпохи царя Самуила на островѣ Аилъ (Преспа) и въ городѣ Охридѣ. Первая такъ называемая «великая церковь» должна быть отнесена, по своимъ внутреннимъ признакамъ и по сопоставленію ихъ съ историческими данными, къ концу X вѣка, а вторая, въ древнѣйшей своей части, къ началу XI столѣтія. Обѣ построены въ формѣ базиликъ и принадлежатъ (особенно «великая церковь») къ той группѣ базиличныхъ церквей, которая характеризуется болѣе извѣстными — никейской и месемврійской базиликой, а также сирійскими постройками этого типа. Ближайшей хронологически къ этимъ церквямъ будетъ датированная 1164 годомъ церковь Нересскаго монастыря возлѣ г. Скопя, построенная въ типично византійской формѣ пятикупольнаго зданія, покоящагося на четырехъ массивныхъ колоннахъ. Слѣдующая за нею по древности есть церковь св. Климента въ Охридѣ, датированная 1295 годомъ; средній равноконечный крестъ этого зданія, крытаго однимъ куполомъ, возвышается значительно надъ угловыми болѣе низкими пристройками, не связанными органически съ главнымъ корпусомъ, какъ это необходимо при типѣ нересской церкви; угловыя пристройки, крытыя на одинъ скатъ, не нуждаются въ купольномъ прикрытіи; въ результатѣ зданіе выигрываетъ въ расчлененности своихъ частей, благодаря болѣе низкимъ угловымъ частямъ, и проигрываетъ въ оживленности прикрытія, благодаря отсутствію церковныхъ куполовъ. Къ этой группѣ церквей можно отнести и церковь св. Наума въ Охридѣ, въ которой только что описанный типъ осложняется присутствіемъ особой пристройки, крытой отдѣльнымъ вторымъ куполомъ, на оси всего зданія. Еще сложнѣе планъ церкви Тресковецкаго монастыря (конца XIII и начала XIV в.), осложненный, кромѣ двухъ куполовъ на продольной оси, еще двумя боковыми, соответствующими боковымъ придѣлу и притвору. Наконецъ, ко второму типу церквей можно отнести и церкви — въ селѣ Эмпоріи (1390 г.) и селѣ Германѣ. Третій типъ, въ совершенствѣ представленный знаменитою церковью «Двѣнадцати апостоловъ» въ Солуни, соединяетъ преимущество двухъ предыдущихъ и является высшей ступенью, достигнутой мѣстной церковной архитектурой. Расчлененность частей зданія совмѣщается здѣсь съ старовизантійскимъ пятикупольнымъ покрытіемъ. Какъ бы стремясь устранить все излишнее, этотъ типъ сбрасываетъ покрытіе по фронтovýmъ скатамъ и карнизамъ, употребительное въ предыдущемъ типѣ, и замѣняетъ его покрытіемъ по круговымъ линиямъ самага свода. Такимъ образомъ зданіе характеризуется необыкновенной прозрачностью своихъ конструктивныхъ частей: конструктивныя линіи, ничѣмъ не маскируемыя, сообщаютъ постройкѣ характеръ простоты, легкости и изящества. Для усиленія впечатлѣнія живописности, производимаго церквами этого типа, и самыя стѣны покрываются кирпичнымъ узоромъ самыхъ разнообразныхъ рисунковъ. Этотъ типъ получилъ широкое распространеніе въ Македоніи въ XIV вѣкѣ, къ началу котораго (1312—1315 г.) можно отнести и постройку церкви «Двѣнад-

пяти апостоловъ». Кромѣ этой церкви къ разсматриваемому типу относятся также: церковь эпохи Стефана Душана въ селѣ Любитенѣ, возлѣ Скопя, датированная 1337 годомъ, «Захлумской» Богородицы (1361 г.) на восточномъ берегу Охридскаго озера, церковь св. Атанаса въ прилепскомъ Варошѣ, безъ даты, церковь Маркова монастыря (1345 г.), св. Спаса въ селѣ Кучевиште, близъ Скопя, и въ селѣ Винени; всѣ эти церкви въ своемъ устройствѣ имѣють второстепенныя особенности, нѣсколько отличающія ихъ отъ описаннаго типа. Гораздо чаще для церквей небольшихъ размѣровъ употреблялась болѣе простая форма — продолговатаго прямоугольника, крытаго коробовымъ сводомъ, на которомъ, въ свою очередь, лежала крыша въ два ската. Этотъ типъ иногда сближается съ предыдущимъ орнаментальной кладкой стѣнъ изъ кирпича или изъ чередующихся рядовъ кирпича и камня. Очень эффектный образчикъ орнаментальной кирпичной кладки представляетъ церковь св. Николая въ прилепскомъ Варошѣ, 1299 года, а образчикъ чередующейся кладки кирпича и камня представляетъ церковь св. Иоанна Крестителя возлѣ села Бобоштицы (у Корчи), начала XV вѣка. Церкви въ видѣ прямоугольника съ коробовымъ сводомъ, не отличающіяся характерной кладкой XIV—XV вѣка, очень многочисленны и изъ предѣловъ этого хронологическаго періода переходятъ въ позднѣйшее время. Древнѣйшая изъ нихъ — церковь острова «Малый градъ», датированная 1369 годомъ, и церковь острова «Градъ», безъ даты; эта же форма оказалась наиболѣе удобной и для церквей, выдолбленныхъ въ скалѣ; изъ нихъ церковь св. Марины (на западномъ берегу Преспы) относится, можетъ быть, къ концу XIV вѣка. Турецкое завоеваніе не прекращаетъ строительства церквей, но развитіе церковной архитектуры останавливается въ срединѣ XV вѣка. Позднѣе этого времени встрѣчается преимущественно воспроизведеніе формы прямоугольнаго треугольника, крытаго коробовымъ сводомъ; такова, напримѣръ, Слимницкая церковь, построенная въ 1607—1614 годахъ.

Экскурсія привела въ извѣстность значительный матеріалъ и изъ области церковной живописи, который расположенъ г. Милюковымъ въ слѣдующемъ видѣ. Къ XII вѣку относится часть фресокъ Нересскаго монастыря, именно тѣ изъ нихъ, которыя написаны, можетъ быть, одновременно съ постройкой церкви въ угловыхъ куполахъ западной стороны; внѣшнія ихъ отличія — большая густота и яркость красокъ и греческій языкъ надписей, замѣненный впослѣдствіи славянскимъ. Къ началу XIII вѣка относятся фрески мучениковъ въ боковыхъ камерахъ Трескавецкаго монастыря, гдѣ есть также фрески и портреты ктиторовъ, относящіяся къ XIV вѣку. Къ XIV вѣку относятся и фрески Любитенской церкви (изображенія царя Душана, его жены и сына Уроша, причащенія подѣ обоими видами съ двумя изображениями Христа и др.), которыя свидѣтельствуютъ о большой самостоятельности и свободѣ со стороны живописца въ обработкѣ традиціонныхъ сюжетовъ. Четырнадцатымъ

вѣкомъ могутъ быть датированы и фрески церкви «Заумъ» (1361 г.), «Малаго града» (1369), церкви Спаса въ селѣ Эмпоріи (1390 г.), св. Марины, Маркова и Архангельскаго (около Прилепа) монастырей. Вѣкомъ XV-мъ датированы фрески въ церкви св. Петра на Преспѣ (1410 г.), въ другихъ малыхъ церквахъ, а также, вѣроятно, на островѣ Градѣ. XVI-мъ вѣкомъ (1524) датирована богатая интересными деталями роспись церкви монастыря Богородицы на островѣ Аилъ, а также старыя фрески церкви св. Спаса въ селѣ Кучевиште (1510 г.). Отъ XVII вѣка сохранился очень интересный памятникъ иконографіи въ росписи Слимницкаго монастыря, изображающей евангельскія событія; къ тому же времени относится роспись церквей въ селахъ Арвати и Претора, Слѣпченскаго монастыря и св. Николая возлѣ Бобоштицы. Въ XVIII вѣкѣ реставрирована роспись церкви въ селѣ Германъ и къ тому же времени относится роспись церкви Архангельскаго монастыря около села Кучевиште. Въ XIX вѣкѣ поновлена роспись церкви монастыря св. Наума (1806) и трескавецкой церкви (1846 г.).

Изъ памятниковъ скульптурныхъ древнѣйшимъ должна считаться капитель Воденской митрополичьей церкви, напоминающая подобныя капители въ Солунской базиликѣ св. Димитрія, относимой къ VII вѣку. Слѣдующее мѣсто принадлежитъ остаткамъ старой мраморной алтарной преграды въ Нересской церкви. Однородны съ нею мраморныя плиты—въ Трескавецкомъ монастырѣ, съ очень старымъ рисункомъ, и въ охридской св. Софіи, съ византійскими двуглавыми орлами и съ типичнымъ переплетающимся бордюромъ. Нужно отмѣтить также старую (X—XII в.) капитель церкви св. Наума. Далѣе слѣдуютъ два родственныхъ по стилю памятника византійской орнаментики XIII вѣка: салоникская плита, приспособленная для фонтана, и чрезвычайно эффектный амвонъ Софійской церкви въ Охридѣ (первыхъ годовъ XIV в.): стилизованные звѣри, птицы, растенія, колонки съ перевязями, плетеный бордюръ—все это чрезвычайно типично для эпохи. Оригинальна и плита съ орнаментомъ въ Салоникахъ (XIII в.), любопытны и рельефное изображеніе Богоматери и эмалированная мраморная икона свв. Іакова, Филиппа и Луки.—Къ произведеніямъ деревянной скульптуры относится рельефное изображеніе св. Климента и рѣзныя двери въ церкви Слѣпченскаго монастыря съ орнаментомъ (XIV—XV в.).

Изъ памятниковъ церковной утвари примѣчательны: паникадило—хорось съ надписью архіепископа Прохора (1549 г.) въ охридской церкви св. Климента и филигранный окладъ евангелія въ Воденской митрополи. Особеннаго вниманія заслуживаетъ шелковая шитая плащаница съ именемъ Андроника Палеолога въ церкви св. Климента въ Охридѣ (XIII—XIV в.).

Для исторіи костюма матеріалы содержатся въ изображеніяхъ ктиторовъ XIV вѣка, Остой (въ церкви св. Климента), въ фрескахъ Трескавецкаго (XIV в.) и Слимницкаго (XVII в.) монастырей.

Для греческой эпиграфики представляетъ интересъ ранне-византійская надпись на башнѣ Скопскаго акрополя [νέαν πόλιν, ἀνθρώπων, θαυμάζεις, βλέπων, καὶ τερπνὸν ὄβρισμα (sic) κοινου (?) Ρομαίων (?). . . Ζητεῖς δὲ τίς ἦγειρε (?)] и загадочная надпись на берегу Преспанскаго озера. Для славянской эпиграфики наибольшій интересъ, кромѣ надписи Самуила, имѣють — небольшое graffito Архангельской церкви въ прилепскомъ Варошѣ (XI в.) и нѣкоторыя slimницкія надписи.

Наконецъ, экскурсія привела въ извѣстность и нѣкоторыя новыя историческія данныя, касающіяся епархій болгарской церкви, мелкихъ династовъ Македоніи предъ завоеваніемъ ея турками, духовныхъ лицъ, жертвователей и пр.

Изъ представленнаго обзора матеріала, собраннаго экскурсіей Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ и описаннаго здѣсь кратко, съ указаніемъ лишь важнѣйшихъ его частей, видно, что экскурсія достигла весьма цѣнныхъ результатовъ. Но обработка этого матеріала есть дѣло будущаго. Г. Милюковъ оказалъ важную услугу будущимъ изслѣдователямъ Македонской старины, тщательно описавъ многіе изъ ея памятниковъ и расположивъ ихъ по группамъ. Къ его статьѣ приложены 32 цинкографіи, изображающія важнѣйшіе патятники, описанные г. Милюковымъ.

4. Б. Фармаковскій, *Лесха книданъ въ Дельфахъ* (стр. 152—185).

5. М. Παράνικας, *Ἡ Τραπεζοῦς κατὰ τὸν ἰδ' αἰῶνα* (стр. 186—203). Императоры Трапезунта (1204—1461 г.), говоритъ въ своей статьѣ профессоръ Параника, принадлежавшіе къ славному роду Комниновъ, были, между прочимъ, люди просвѣщенные, высоко цѣнившіе науку и старавшіеся окружать себя мужами образованными, которые были имъ полезны въ управленіи государственными дѣлами и необходимы для прохожденія различныхъ общественныхъ должностей. Это были преимущественно уроженцы Трапезунта и его окрестностей, а иногда и константинопольцы. Къ числу ихъ принадлежитъ и Ливадинъ, о которомъ собственно и ведетъ рѣчь въ своей статьѣ г. Параника на основаніи его разсказа (Ἀνδρέου Λιβადηνοῦ περιήγησις. . ., ἐκδοθεῖσα ὑπὸ Μ. Παράνικα ἐν Κ—πόλει 1874). Андрей Ливадинъ родился въ Константинополѣ въ началѣ XIV столѣтія. Онъ получилъ хорошее образованіе въ одномъ изъ константинопольскихъ монастырей, гдѣ сперва изучилъ элементарныя науки, а потомъ и средній ихъ курсъ; между прочимъ, онъ прекрасно ознакомился съ науками богословскими, которыя возбудили въ немъ сильное желаніе побывать въ Іерусалимѣ. Скоро случай къ этому представился. Византійскіе императоры Палеологи снарядили посольство въ Египетъ, въ составъ коего вошелъ, въ качествѣ помощника секретаря (ὑπογραμματεὺς), и Ливадинъ, имѣвшій тогда лишь 12 лѣтъ отъ роду. Онъ, вмѣстѣ съ посольствомъ, отправился въ Египетъ, а оттуда въ Іерусалимъ, гдѣ осмотрѣлъ святыя мѣста, и чрезъ Александрію возвратился въ Константинополь, гдѣ уже не засталъ въ живыхъ свою мать, которая скончалась во время его путешествія

(отецъ Ливадина умеръ раньше). Возвратившись въ Константинополь, Ливадинъ снова занялся науками и достигъ со временемъ такой извѣстности, что по царскому приказанію ѣздилъ описывать островъ Тенедосъ. Исполнивъ это дѣло, онъ прибылъ въ Константинополь и получилъ новую, высшую должность. Но въ это время, изъ политическихъ мотивовъ, онъ перенесъ много страданій, о которыхъ однако умалчиваетъ, и рѣшился удалиться изъ Константинополя въ Трапезунтъ. Съ этого времени начинается новый періодъ дѣятельности Ливадина. Тогда были частыя и разнообразныя сношенія между Трапезунтомъ и Константинополемъ и Комнины находились (1350 г.) въ дружбѣ съ Палеологами, по сему многіе константинопольцы добровольно переходили на службу въ Трапезунтъ, какъ, напримѣръ, Константинъ Лукитъ, Іоаннъ Евгеникъ и другіе. Ливадинъ, прежде чѣмъ отправиться въ Трапезунтъ, много размышлялъ объ этомъ, совѣтывался съ другими лицами, обращался съ молитвою къ Богу и только послѣ многихъ благихъ предзнаменованій рѣшился оставить Константинополь, имѣя, между прочимъ, въ виду возможно лучше изучить на чужбинѣ астрономію, которая въ Трапезунтѣ преподавалась гораздо совершеннѣе, чѣмъ въ Константинополѣ. На пути въ Трапезунтъ Ливадинъ посѣтилъ Аминсъ, гавани Платанъ и Дафны, гдѣ былъ гостепріимно принятъ мѣстнымъ священникомъ. Прибывши въ Трапезунтъ, Ливадинъ былъ съ удовольствіемъ встрѣченъ и посѣтилъ прежде всего митрополита Григорія, который былъ преемникомъ Варнавы. Ливадинъ впервые упоминаетъ о трапезунтскомъ митрополитѣ Григоріи, неизвѣстномъ и Fallmeayer'u, который располагаетъ митрополитовъ Трапезунта (XIV в.) въ такомъ порядкѣ: Варнава, Акакій, Нифонъ; теперь на основаніи разсказа Ливадина, ихъ слѣдуетъ такъ поставить: Варнава, Григорій, Акакій (о немъ Ливадинъ также упоминаетъ) и Нифонъ. Митрополитъ Григорій былъ челоуѣкъ образованный и оказалъ Ливадину въ его ученомъ стремленіи большую пользу. Ознакомившись съ городомъ, онъ полюбилъ его и въ своемъ описаніи хорошо отзывается о его положеніи, воздухѣ, водѣ, виноградникахъ и т. п., а жителей хвалитъ за благочестіе и гостепріимство. Спустя немного, онъ сдѣлался извѣстенъ трапезунтскому императору Василию Комнину, сыну Алексѣя, и пользовался его расположеніемъ за свой политическій опытъ и знанія. Ливадинъ былъ полезенъ и трапезунтской митрополіи, гдѣ исполнялъ обязанности хартофилакса и прототавулларія. Но въ 1340 году умеръ другъ Ливадина, императоръ Василій, и въ теченіе слѣдующихъ девяти лѣтъ Трапезунтъ былъ мѣстомъ политическихъ смутъ и беспорядковъ, пока на престолъ не вступилъ сынъ Василія Алексѣй III (1349—1390); въ теченіе этого тревожнаго времени Ливадинъ перенесъ много бѣдствій, которыя и описалъ въ своемъ сочиненіи, гдѣ говоритъ о возстаніи въ монастырѣ св. Евгенія, о нашествіи варваровъ и пожарѣ въ Трапезунтѣ, о своей болѣзни и лишеніи имущества, о неудачномъ побѣгѣ въ Константинополь. Послѣ вступленія на престолъ Алексѣя III Ливадинъ получилъ

должность дикаста. Первые годы царствованія Алексѣя прошли тревожно; Ливадинъ упоминаетъ, между прочимъ, о бунтѣ противъ Алексѣя въ Керасунтѣ, а также о волненіи въ Кенхреяхъ; оба эти возмущенія были подавлены силою. Ливадинъ былъ въ этихъ городахъ и возвратился въ Трапезунтъ, гдѣ и сталъ жить спокойно. На этомъ прекращается анализируемый нашимъ авторомъ рассказъ Ливадина. Что касается самаго сочиненія Андрея Ливадина, то оно представляетъ собою слово, обращенное къ образованнымъ слушателямъ, друзьямъ автора, которыхъ онъ имѣлъ цѣлью ознакомить со своею жизнью; это слово было составлено въ первые годы царствованія Алексѣя III, когда прекратились въ государствѣ народныя волненія и бѣдствія и когда самъ Ливадинъ пользовался благополучіемъ. Вообще, это произведеніе Ливадина имѣетъ важное значеніе для исторіи Трапезунта, который изображается здѣсь какъ центръ просвѣщенія и культуры, какъ значительный торговый пунктъ и очагъ добрыхъ народныхъ нравовъ и традицій.

Архимандритъ Иннокентій, *Постриженіе въ монашество. Опытъ историко-литурическаго изслѣдованія обрядовъ и чинопослѣдованій постриженія въ монашество въ греческой и русской церквахъ до XVII вѣка включительно*. Вильна. 1899. Стр. 351. — Предметомъ настоящаго изслѣдованія служатъ обряды и чинопослѣдованія постриженія въ монашество православной восточной церкви, греческой до X-го вѣка и русской отъ X по XVII вѣкъ включительно. Задача его состоитъ въ историческомъ обзорѣ этихъ обрядовъ и чинопослѣдованій съ тою цѣлью, чтобы раскрыть постепенное образованіе чинопослѣдованій постриженія въ монашество, появленіе и установленіе въ нихъ основныхъ элементовъ, составляющихъ сущность обряда, осложненіе ихъ молитвами, пѣснопѣніями и мелкими обрядовыми принадлежностями въ греческой церкви, и указать, въ какомъ видѣ приняла эти чинопослѣдованія отъ церкви греческой русская церковь, какими измѣненіямъ, сокращеніямъ и дополненіямъ подвергались эти чинопослѣдованія въ русской церкви до XVII вѣка, подъ вліяніемъ русской богослужебной практики, при господствѣ рукописныхъ богослужебныхъ книгъ. Въ виду этой цѣли, сочиненіе естественно дѣлится на двѣ части, въ первой изъ коихъ обзрѣваются чинопослѣдованія постриженія въ монашество въ церкви греческой, а во второй—въ русской, причемъ эта часть составлена на основаніи рукописей Соловецкой бібліотеки, находящейся нынѣ въ Казанской духовной академіи. Планъ сочиненія—историческій, а методъ изслѣдованія обрядовъ и чинопослѣдованій постриженія въ монашество—генетическій.

Первая часть разсматриваемаго изслѣдованія состоитъ изъ пяти главъ. Въ главѣ *первой* (стр. 13—35) рѣчь идетъ объ основаніяхъ христіанскихъ аскетическихъ обѣтовъ въ священномъ писаніи и въ твореніяхъ отцевъ церкви и объ осуществленіи ихъ христіанами первыхъ трехъ вѣковъ, когда существовали общества дѣвственницъ. Отцы церкви въ своихъ твореніяхъ, посвященныхъ дѣвственницамъ, побуждали ихъ держаться

аскетическаго пути, заповѣданнаго Христомъ, и не уклоняться отъ спасительнаго дѣла (Аѳанасій Александрійскій, Кипріанъ Карѳагенскій и другіе). Въ твореніяхъ пастырей, писавшихъ наставленія дѣвственницамъ, замѣчаются и элементы постригательныхъ чиновъ, именно—требованіе произносить обѣтъ дѣвства торжественно, въ слухъ всѣхъ членовъ церкви. Съ теченіемъ времени, постепенно сформировался краткій по формѣ, но выразительный по существу обрядъ торжественнаго посвященія въ дѣвственницы, примѣнявшійся въ третьемъ вѣкѣ; онъ состоялъ въ томъ, что вступавшая въ среду дѣвственницъ громко произносила предъ лицомъ предстоятеля общины и христіанъ обѣтъ дѣвства; предстоятель совершалъ благословеніе, а члены общины выражали дѣвственницѣ свое одобреніе; въ знакъ принятія обѣта, голову новопосвященной дѣвственницы покрывали особымъ покрываломъ, отличнымъ отъ мірскаго.

Во *второй* главѣ (стр. 36—61) излагается судьба аскетическихъ обрядовъ въ IV-мъ вѣкѣ, когда собственно и появилось монашество, какъ особое учрежденіе. Здѣсь говорится объ основаніи монашества и излагаются краткія біографическія свѣдѣнія о свв. Антоніи и Пахоміи Великихъ, св. Макаріи Египетскомъ и Василии Великомъ, рассказывается о распространеніи монашества въ Египтѣ, Сиріи, Палестинѣ и Греціи и описываются способы принятія въ иночество у различныхъ «отцевъ» монашества. При всемъ различіи этихъ способовъ, сущность ихъ сводилась къ строгому и продолжительному испытанію или искусу новопришедшаго, которое имѣло цѣлью опытно убѣдить братію монастыря въ искренности его побужденій и въ добровольности избранія подвига (уставъ Скитскихъ пустынь). вмѣстѣ съ тѣмъ «отцы» монашества стремились выработать и опредѣленные уставы, съ цѣлью благоустройства внутренней жизни своихъ послѣдователей. Въ ряду этихъ уставовъ особо законченностью и опредѣленностью отличался уставъ св. Пахомія, имѣвшій и впоследствии большое значеніе въ монашеской жизни Востока. Въ этомъ уставѣ впервые появилось постановленіе — облекать новопринятаго въ особія одежды, исключительно монашескія, а принесенныя имъ изъ міра одѣянія повелѣвалось отдавать на храненіе въ монастырь. Совершеніе этого обряда происходило торжественно, въ присутствіи всей братіи монастыря; послѣ молитвы, новопринятый инокъ вручался для руководства опытному старцу и становился новоначальнымъ. Прочіе, сохранившіеся до нашего времени, монастырскіе уставы, держались такой же практики въ отношеніи къ поступающимъ въ монастыри; лишь въ уставѣ Скитскомъ предъуказанъ другой главный и основной актъ обряда постриженія, а именно: открытое обѣщаніе поступающаго въ монастырь хранить обѣты монашества (послушаніе, самоотреченіе, добровольную нищету) и строго исполнять предписанія монастырскаго устава. Этотъ торжественный актъ произнесенія монашескихъ обѣтовъ, намѣченный въ Скитскомъ уставѣ окончательно введенъ въ обрядъ принятія иноковъ св. Василиемъ Великимъ, въ уставѣ котораго онъ получилъ опредѣленную форму выраженія,

близкую къ оглашенію въ современныхъ чинопослѣдованіяхъ монашескаго постриженія: послѣ торжественнаго произнесенія обѣтовъ, производилось (по уставу св. Василя) увѣщаніе или оглашеніе посвящаемаго, состоявшее въ подробномъ изображеніи трудностей монашескаго житія.

Въ сочиненіи «О церковной іерархіи», надписываемомъ именемъ апостольскаго мужа Діонисія Ареопагита, содержится уже цѣльный и вполне законченный обрядъ посвященія въ монашество, въ коемъ вышеуказанные основные акты соединены въ одно цѣлое въ строгой послѣдовательности. Объ этомъ обрядѣ рѣчь идетъ въ *третьей* главѣ разсматриваемой книги (стр. 62—102). Обрядъ носитъ наименованіе—«Тайнодѣйствіе монашескаго посвященія» и, кромѣ своей древности, важенъ въ томъ отношеніи, что сдѣлался основой, на которой развились церковныя чинопослѣдованія постриженія въ малую и большую схимы. «Тайнодѣйствіе» состоитъ изъ трехъ частей: произнесенія обѣтовъ монашества, одѣянія посвящаемаго въ монашескія одежды и постриженія его волосъ. Последнее дѣйствіе нужно признать особенностью «Тайнодѣйствія», отличающею его отъ иноческихъ уставовъ IV вѣка. Здѣсь этотъ актъ получалъ сакраментальное значеніе, сдѣлался символомъ жертвы, посвящаемой Богу, знакомъ отрѣшенія отъ міра. Въ такомъ именно значеніи дѣйствіе постриженія волосъ удержалось въ чинопослѣдованіяхъ монашескаго посвященія и въ послѣдующіе вѣка. Получивши символическій характеръ, постриженіе волосъ въ монастыряхъ Греціи перестало быть остриженіемъ ихъ наголо, какъ въ Египтѣ (по уставу св. Пахомія) и впослѣдствіи на Западѣ, а лишь подстриженіемъ, причемъ, въ подражаніе ветхозавѣтному назорейству, въ восточномъ монашествѣ удержано долговласіе, ставшее принадлежностью всѣхъ священныхъ степеней, какъ видимый знакъ посвященія Богу: длинные волосы были какъ бы діадемой, вѣнцомъ посвященія Богу, коего не могла касаться рука человѣческая.—Особенное значеніе съ ранняго времени получили въ монашескихъ обрядахъ и чинопослѣдованіяхъ и монашескія одежды. Уже въ древнихъ уставахъ монашества содержатся ясныя указанія о томъ, что одежды инока должны быть особыя, отличныя отъ мірскихъ. Въ нихъ облакался, по требованію уставовъ, поступающій въ монастырь. Историческая древность сохранила объ иноческихъ одеждахъ слѣдующія свѣдѣнія. Головнымъ покровомъ подвижника IV вѣка былъ остроконечный кукуль съ наплечникомъ сзади, иногда съ изображеніемъ креста. У египетскихъ подвижниковъ наплечникъ (ἐπιμαρτίδιον, κατανώτιον, ἐγχερίδιον) назывался мафоріемъ. Левитонъ (λεβιτόν) или коловій (κολόβιον), похожій на безрукавую современную рубашку (у Египтянъ), хитонъ, туника, иногда и власяница (у Грековъ) были нижнимъ одѣяніемъ инока. Поверхъ этихъ одеждъ, какъ египетскіе, такъ и греческіе иноки повязывали аналавъ (ἀναβολεύς, ἀναλάβος, ἀναβολή), состоявшій изъ двойныхъ перевязей въ видѣ буквы х, а станъ стягивали кожанымъ поясомъ. Верхнею одеждою, безъ которой иннокъ не могъ выдти изъ келіи, въ Египтѣ была милоть,

а въ Греціи—мантія или длинный паллій, тащившійся по землѣ, похожій на греческій гиматій или римскую тогу, съ застежкой на лѣвомъ плечѣ. Ноги иноки обували въ Египтѣ въ калиги, а въ Греціи—въ сандалии, въ руки брали посохъ. Таково было одѣяніе въ IV—V вѣкахъ иноковъ-киновіотовъ, анахореты же не имѣли однообразія въ одеждѣ; они носили власяницы, кентоны, синдоны и даже желѣзныя цѣпи вмѣсто аналава. Всѣ указанныя иноческія одежды уже въ самую раннюю пору монашества получили особый, символическій смыслъ (куколь означалъ незлобіе, милоть—уничтоженіе плотскихъ пожеланій и т. д.), который впослѣдствіи былъ опредѣленъ подробнѣе и яснѣе.—Параллельно съ ростомъ обрядоваго строя въ мужскихъ монастыряхъ, развивалось иночество и среди женщинъ. Въ IV вѣкѣ общества дѣвственницъ преобразовались въ монастыри. Первые правила для иноческихъ общежитій были даны св. Василиемъ Великимъ. Въ женскихъ монастыряхъ существовали опредѣленныя правила и касательно лѣтъ посвящаемой, мѣста и времени посвященія, лицъ посвящающихъ и дѣйствій посвященія. Древній обрядъ «покрытія дѣвъ» увеличился произнесеніемъ посвящаемою иноческихъ обѣтовъ, одѣяніемъ ея и постриженіемъ волосъ, т. е. и въ практику женскихъ монастырей были внесены основныя дѣйствія «Тайнодѣйствія монашескаго посвященія». Одеждами инокинь IV—V вѣковъ были: длинное покрывало, спускавшееся до земли, туника или черная мантія, кукуль и аналавъ.

Въ главѣ *четвертой* (стр. 103—129) излагается развитіе въ Греціи обряда постриженія въ монашество въ періодъ отъ V-го по IX вѣкѣ. Это время въ исторіи монашества было періодомъ его внутренняго устройства и упорядоченія. Монашество было принято подъ непосредственный надзоръ мѣстныхъ епископовъ. Изъ пустынь и уединенныхъ мѣстъ монахи-анахореты были переселены въ монастырскія общежитія, которыя, по возрѣнію св. Василия Великаго, стоятъ выше одиночнаго подвижничества. Переведенные въ монастыри, иноки-отшельники образовали въ нихъ особую степень, чинъ, образъ, которому стало усвоиться наименованіе «великаго ангельскаго образа» въ отличіе отъ киновіотовъ, получившихъ названіе иноковъ «малаго ангельскаго образа». Для первыхъ былъ обязателенъ затворъ въ монастырѣ, который, замѣнивъ древнее анахоретство, сталъ высшимъ пунктомъ иноческихъ стремленій, до извѣстной степени замѣняющимъ анахоретство. Церковными правилами были указаны опредѣленные сроки перехода изъ общежитія въ затворъ, а равно изъ состоянія учениковъ или новоначальныхъ—въ общежительныя иноки, съ постриженіемъ въ малый ангельскій образъ. Въ званіи новоначальнаго слѣдовало находиться въ теченіе трехъ лѣтъ, прожить въ киновіи—четыре года, а послѣ этого времени можно было поступить въ затворъ; во всѣхъ этихъ случаяхъ необходимъ былъ строгій искусь со стороны опытныхъ въ подвижничествѣ лицъ. Въ практику византійскаго монашества V—IX вѣковъ вошелъ обычай передавать новопостригаемаго для руководства опытному старцу; это отразилось и

въ чинѣ постриженія, куда введены были вопросы постригаемому о добровольности его постриженія, о пребываніи въ опредѣленномъ монашескомъ чинѣ до конца жизни и т. п., а также былъ внесенъ заключительный актъ передачи новопостриженного для руководства особому воспріемнику съ увѣщаніемъ обоимъ со стороны игумена или постригающаго.

Къ началу IX-го вѣка, сообщается въ *пятой* главѣ анализируемой книги (стр. 130—160), на Востокѣ окончательно установилось дѣленіе монашествующихъ на три степени: новоначальныхъ, малосхимниковъ и великосхимниковъ. Для каждой изъ степеней были усвоены къ тому же времени и особыя одѣянія; камилавка, хитонъ и поясъ стали обычною одеждою новоначальнаго инока; одѣяніе въ мантию было преимуществомъ малосхимниковъ, а кукуль и аналавъ были знаками великосхимническаго достоинства или полного монашества. Въ Евхологіи Гоара, относящемся къ разсматриваемому періоду, содержатся уже отдѣльные чины на постриженіе въ рясу и камилавку, въ мантию или малый ангельскій образъ и въ схиму или великій ангельскій образъ. Но самый древній списокъ посвященія (св. Марка, VIII вѣка) сохранилъ лишь одинъ чинъ съ надписаніемъ «послѣдованія схимы». Это ясно показываетъ, что съ V по VIII вѣкѣ существовало только одно чинопослѣдованіе постриженія въ монашество, потому что еще не было разграниченія между малосхимниками и великосхимниками; оно, вѣроятно, походило на «Тайнодѣйствіе монашескаго посвященія», помѣщенное въ сочиненіи «О церковной іерархіи». Сопоставленіе чинопослѣдованій малой и великой схимы по спискамъ IX и X вѣковъ приводитъ къ мысли, что въ основу ихъ положено «Тайнодѣйствіе монашескаго посвященія». Въ нихъ тѣ же три главные элемента, которые имѣются и въ первомъ, только расширены рядомъ вопросовъ къ постригаемому и точнымъ перечисленіемъ одеждъ, съ указаніемъ ихъ символическаго значенія. Хитонъ, кукуль, аналавъ, поясъ, паллій (мантия), сандалии возлагались, по чинопослѣдованію великаго ангельскаго образа, на великосхимника; хитонъ, поясъ, камилавка и мантия были принадлежностью малосхимника. Чинопослѣдованіе великой схимы отличается также величественною стройностью и сложностью, сравнительно съ краткимъ и простымъ чиномъ на одѣяніе въ мантию; общежительное, манатейное монашество было лишь приготовленіемъ къ уединенію и безмолвію великосхимничества. Чинъ великаго ангельскаго образа, будучи въ существѣ своемъ повтореніемъ основныхъ элементовъ чинопослѣдованія мантии, въ своихъ подробностяхъ и обрядовыхъ дѣйствіяхъ распространенъ множествомъ трогательно умиленныхъ пѣснопѣній и молитвъ, ясно выражающихъ покаянную идею образа и возрожденіе постригаемаго въ жизнь новую, святую. Осложненіе этого чинопослѣдованія вызвано уподобленіемъ св. отцами и учителями церкви постриженія въ великую схиму, съ одной стороны, таинству крещенія, съ другой — таинству покаянія.

Во *второй* части книги о архимандрита Иннокентія, состоящей изъ *семи* главъ (стр. 163—320), изслѣдуются обряды и чинопослѣдованія по-

стриженія въ монашество въ церкви русской до XVII вѣка включительно. Эта часть составлена на основаніи рукописнаго матеріала Соловецкой бібліотеки, находящейся нынѣ въ Казанской духовной академіи. Здѣсь разсказывается о появленіи монашества на Руси до св. Владиміра и о распространеніи его при св. Владимірѣ и Ярославѣ, причемъ сообщается, что въ русскихъ монастыряхъ въ это время употреблялись служебники болгарскаго извода. Св. Антоній и св. Θεодосій, устроившіе Кіевопечерскую лавру, ввели въ употребленіе греческіе евхологіи въ сербскомъ изводѣ. Въ XII, XIII и XIV вѣкахъ, темныхъ въ исторіи просвѣщенія на Руси, господствовали въ богослужебной практикѣ славяно-сербскія редакціи, коими обильно снабжалъ насъ Аѳонъ; въ тѣхъ же редакціяхъ были и чинопослѣдованія постриженія въ мантию и схиму, причемъ первое значительно отличалось отъ греческаго оригинала. Общее литургическое движеніе, начавшееся на Руси съ XV вѣка, отразилось и въ чинопослѣдованіяхъ постриженія. Чинъ на одѣяніе въ рясу и камилавку въ XV вѣкѣ былъ исправленъ и дополненъ по греческимъ оригиналамъ, въ XVI вѣкѣ — нѣсколько сокращенъ, а въ XVII — въ него была внесена одна молитва изъ древняго Барбериновскаго списка, въ виду попытки къ исправленію его. Чинъ «малаго ангельскаго образа» въ XV вѣкѣ былъ исправленъ по греческимъ евхологіямъ, такъ что оказался совершенно отличнымъ отъ чинопослѣдованія XIV вѣка, въ XVI вѣкѣ остался почти безъ всякаго измѣненія, а въ XVII вѣкѣ сталъ развиваться въ самобытно-русскомъ направленіи; въ него были введены — послѣдованіе рясы и камилавки, оглашеніе великаго ангельскаго образа, разныя окончанія чина и т. п. Одежды русскихъ малосхимниковъ («свитка», камилавка, парамандъ, ряса) также отступаютъ отъ греческихъ оригиналовъ. Чинопослѣдованіе «великой ангельской схимы» въ XV вѣкѣ осталось неизмѣннымъ въ своихъ существенныхъ чертахъ по спискамъ XIV вѣка, а равно и въ XVI вѣкѣ. Въ XVII вѣкѣ и этотъ чинъ развился въ самобытно-русскомъ направленіи, причемъ въ немъ это развитіе выразилось въ постепенномъ сокращеніи его до такой степени, что онъ терялъ право на богослужебное употребленіе. Это объясняется установившимся въ XVII вѣкѣ возрѣніемъ справщиковъ богослужебныхъ книгъ на монашеское постриженіе, какъ на второе крещеніе, а такъ какъ крещеніе не повторяется, то, по взгляду справщиковъ, нѣтъ нужды и въ особомъ чинѣ великаго образа, представляющемъ собою лишь повтореніе чинопослѣдованія мантии; поэтому справщики, вмѣсто чина великаго образа, ввели у насъ такъ называемый «уставъ вкратцѣ», состоящій изъ молитвъ и пѣснопѣній, коими чинъ великаго образа отличался отъ чина малаго образа. Съ XV-го вѣка на Руси существовалъ особый чинъ постриженія женщинъ въ великій образъ, отличный отъ того же чина для мужчинъ; онъ сопровождался омовеніемъ ногъ великосхимницы со стороны игуменіи въ притворѣ храма, при чтеніи евангелія; вѣроятно этотъ обрядъ — юго-славянскаго происхожденія.

Въ *заключеніи* книги архимандрита Иннокентія (стр. 321—340) изложены общіе выводы изслѣдованія.

Книга о. Иннокентія любопытна по новости содержанія и документальности изслѣдованія, при чемъ вторая ея часть производитъ лучшее впечатлѣніе, чѣмъ первая.

Архимандритъ Палладій, *Святый Пахомій Великій и первое иноческое общежитіе. По новооткрытымъ коптскимъ документамъ. Очеркъ изъ исторіи пастырства въ монастыряхъ*. Казань, 1899 г., стр. 201. — Египетъ, говоритъ во введеніи къ своему сочиненію архимандритъ Палладій, есть колыбель монашества. Общежитіе монашеское впервые появилось также въ Египтѣ, гдѣ оно было основано св. Пахоміемъ Великимъ, до котораго была лишь одна неудачная попытка нѣкоего Аота или Аута устроить общежитіе. Св. Пахомій учредилъ первое иноческое общежитіе въ Тавеннисі. Устроеніе этого общежитія, его первоначальные порядки, быстрые успѣхи тавеннисіотовъ въ духовной жизни, многочисленные случаи изъ жизни св. Пахомія и его любимаго ученика и помощника препод. Θεодора Освященнаго, жизнь киновіи вскорѣ послѣ смерти Пахомія, — все это любопытно и поучительно. Сочиненіе архимандрита Палладія и имѣетъ въ виду разсмотрѣть происхожденіе и первоначальное устройство первой иноческой киновіи и жизнь первыхъ киновитовъ на основаніи древнѣйшихъ источниковъ, преимущественно коптскихъ, причемъ порядки киновіи онъ характеризуетъ не отвлеченными правилами и общими опредѣленіями, а конкретными случаями изъ жизни св. Пахомія и его учениковъ и преемниковъ, особенно Θεодора Освященнаго и Аввы Орсисія, которые были великими руководителями иноковъ на пути ко спасенію. Сочиненіе состоитъ изъ введенія, семи главъ изслѣдованія и заключенія.

Во *введеніи* (стр. 3—38), послѣ уясненія цѣли и задачи сочиненія, предложенъ критическій обзоръ источниковъ и пособій, на основаніи коихъ составленъ настоящій «очеркъ изъ исторіи пастырства въ монастыряхъ». Въ распоряженіи автора были новѣйшія изданія коптскихъ памятниковъ французскаго ученаго Амелино — «Annales du Musée Guimet» (tome XVII. Paris. 1889) и «Mémoires publiés par les membres de la mission archéologique française au Caire» (tome IV, Paris. 1895), въ первомъ изъ коихъ помѣщены — коптское житіе св. Пахомія, коптское житіе св. Θεодора Освященнаго, евскіе отрывки житій и пространное арабское житіе Пахомія и Θεодора, съ обширнымъ введеніемъ издателя къ этимъ памятникамъ, а во второмъ находятся фрагменты житій св. Пахомія, св. Θεодора, первыхъ киновитовъ и другихъ подвижниковъ, съ краткими о нихъ замѣчаніями Амелино. Кромѣ того, авторъ пользовался слѣдующими изданіями: Acta Sanctorum (maii tomus III, Parisiis. 1866), гдѣ помѣщены: греческое житіе свв. Пахомія и Θεодора, такъ называемыя *Παχολογία* изъ ихъ житій, правила (56) Пахомія и письмо епископа Аммона о жизни Пахомія и Θεодора, и Patrologia latina Migne'я (tomi

ЛXXIII, XXIII и XXXIV), гдѣ находятся: латинскій переводъ греческаго житія св. Пахомія, сдѣланный въ VI вѣкѣ Діонисіемъ Малымъ, Иеронимовскій сборникъ правилъ св. Пахомія, въ числѣ 194, имѣющій значеніе преимущественно для исторіи киновіи послѣ смерти Пахомія, и греческій текстъ Лавсаика. Авторъ въ введеніи излагаетъ исторію образованія «житій» Пахомія Великаго и Θεодора Освященнаго на основаніи указанныхъ источниковъ, причемъ въ оцѣнкѣ изданій Амелино отчасти основывается на поправкахъ профессора А. П. Лебедева («Богословскій Вѣстникъ» за 1892 г., январь и апрѣль), отчасти высказываетъ самостоятельныя сужденія, а также разсматриваетъ критически правила св. Пахомія, какъ источникъ для исторіи киновіи. Изъ пособій онъ ведетъ рѣчь о трудахъ Тильмона (*Mémoires pour servir à l'histoire ecclésiastique des six premiers siècles, tome VII. Paris. 1700*), Вейнгартена (*Der Ursprung des Mönchtums im nachconstantinischen Zeitalter. Gotha. 1877*), Мейера (*Die christliche Askese, ihr Wesen und ihre historische Entfaltung. Freiburg. 1894*), Гарнака (*Das Mönchtum, seine Ideale und seine Geschichte. Giessen. 1886*), Грюцмахера (*Pachomius und das älteste Klosterleben. Leipzig. 1896*), Цеклера (*Askese und Mönchtum*), Томаса (*The monastic life... London. 1896*), П. С. Казанскаго, А. В. Горскаго и А. П. Лебедева.

Первая глава изслѣдованія (стр. 40—49) излагаетъ жизнь св. Пахомія Великаго до смерти его аввы Паламона.

Во *второй* главѣ (стр. 50—72) сообщается объ устройствѣ св. Пахомиемъ общежитія на развалинахъ селенія Тавенниси къ югу отъ Шенесита, въ округѣ Тентирскомъ, и излагаются правила его внутренней жизни.

Въ *третьей* главѣ (стр. 73—76) рѣчь идетъ объ основаніи и первоначальномъ устройствѣ перваго женскаго общежитія, возникшаго недалеко отъ Тавенниси, на другой сторонѣ Нила, при участіи сестры св. Пахомія, Маріи.

Въ главѣ *четвертой* (стр. 74—96) разсказывается объ умноженіи монастырей Пахомиева общежитія, объ отношеніи этихъ монастырей къ главному монастырю, о заботахъ св. Пахомія о благоустройствѣ общежитія и о монахахъ не коптскаго происхожденія, подвизавшихся въ монастырѣ Пахомія.

Глава *пятая* (стр. 97—118) содержитъ свѣдѣнія о Θεодорѣ Освященномъ, излагаетъ его жизнь до поступленія въ обитель св. Пахомія, разсказываетъ о его духовномъ возрожденіи подъ руководствомъ Пахомія и о трудахъ его въ качествѣ помощника Пахомія по управленію монастырями.

Въ главѣ *шестой* (стр. 119—162) характеризуется личность св. Пахомія, указываются его особыя духовныя дарованія, труды въ качествѣ руководителя монаховъ въ духовной жизни и плоды этихъ трудовъ, описываются послѣдніе дни его земной жизни и кончина.

Въ *седьмой* главѣ (стр. 163—192) описывается дѣятельность преемниковъ св. Пахомія по управленію Тавеннисійскимъ общежитіемъ — Петропія, Орсісія и Θεодора Освященнаго.

Въ *заключеніи* (стр. 193—201) высказывается общій взглядъ на жизнь въ киновіи св. Пахомія и опредѣляется вліяніе устава св. Пахомія на жизнь позднѣйшаго монашества.

Авторъ настоящей книги тщательно проштудировалъ новооткрытые коптскіе документы касательно св. Пахомія Великаго и его общежитія въ Тавенниси и представилъ довольно цѣльный и полный очеркъ внутренней жизни этого общежитія, дополнивъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ прежнія изслѣдованія по этому вопросу.

Аѳонскій Патерикъ или жизнеописаніе святыхъ, на святой Аѳонской горѣ просіявшихъ. Части I и II. Изданіе седьмое, исправленное и переработанное. Москва, 1897 г., стр. XI + 558 + 486. — Въ *предисловіи* къ этому изданію (стр. I—XI), послѣ краткаго указанія на весьма важное значеніе Аѳона, который былъ во всѣ времена «оплотомъ, убожищемъ и свѣточемъ православія, вертоградомъ, разсадникомъ, средоточіемъ православнаго монашества, училищемъ подвижничества», говорится о недостаточности иностранной и русской учено-исторической литературы объ Аѳонѣ, среди коей нѣтъ и полнаго собранія жизнеописаній святыхъ отцевъ и подвижниковъ, просіявшихъ на этой Святой Горѣ. Въ восполненіе этого недочета и изданъ Аѳонскій Патерикъ, въ которомъ опубликованы житія немногихъ, наиболѣе извѣстныхъ и славныхъ подвижниковъ Аѳона. Въ настоящемъ, седьмомъ изданіи этого Патерика житія Аѳонскихъ святыхъ расположены не въ хронологическомъ порядкѣ, какъ было прежде, а по днямъ и мѣсяцамъ на цѣлый годъ.

Въ *первой* части Аѳонскаго Патерика помѣщены слѣдующія статьи: 1) житіе и страданіе святаго новаго преподобномученика Онуфрія (XIX в.), заимствованное изъ рукописи скита св. Предтечи; 2) краткое сообщеніе о преподобномученикахъ Ватопедскихъ — игуменѣ Евѳиміи и двѣнадцати инокахъ (XIII в.); 3) житіе св. Евстаѳія, епископа сербскаго (XIII в.), заимствованное изъ книги Даничича: «Животи краѣва и ариепископа серпскихъ» (Загребъ. 1866); 4) житіе, подвиги и чудеса св. Максима Кавсокаливита (XIV в.), взятое изъ книги «Νέον Ἐκλόγιον»; 5) житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Саввы I, архіепископа сербскаго (XIII в.), составленное его ученикомъ Дометіаномъ, и уставъ св. Саввы, данный обители Хиландарской и келліи «Типикарницы» на Кареѣ; 6) сообщеніе о преподобномъ Ромилѣ, ученикѣ св. Григорія Синаита (XIV в.), по книгѣ архіепископа Черниговскаго Филарета: «Святые южныхъ славянъ» (1865 г.); 7) страданіе священномученика Дамаскина въ 1771 году, заимствованное изъ книги: «Νέον Μαρτυρολόγιον»; 8) краткое сказаніе о преподобномъ Неофитѣ Ватопедскомъ, взятое изъ «Νέος Παράδεισος»; 9) житіе преподобнаго Максима грека (XVI в.), взятое изъ біографіи его, составленной іеромонахомъ Харалампіемъ (Спб. 1886); 10) житіе преподобнаго Діонисія (XVI в.), подвизавшагося долгое время на Аѳонѣ и скончавшагося на Олимпѣ (изъ «Νέος Παράδεισος»); 11) страданіе св. Θεодора (XVIII в.), изъ «Νέον Μαρτυρολόγιον»; 12) страда-

ніе св. Іліи Ардуниса (XVII в.), изъ «*Νέον Μαρτυρολόγιον*»; 13) память св. Саввы II, архіепископа сербскаго (XIII в.), по упомянутой выше книгѣ архіепископа Филарета; 14) житіе преподобнаго Симеона Неманя, ктитора Хиландаря, со словомъ о немъ св. Саввы, сербскаго архіепископа, по изданію Шафарика; 15) страданіе св. Романа (XVII в.), изъ «*Νέον Μαρτυρολόγιον*»; 16) память препод. Даміана Есфигменскаго (XIII в.), изъ «*Ἀκολουθία τῶς ἁγιορειτῶν πατέρων*»; 17) страданіе св. Даміана (XVI в.), изъ «*Νέον Μαρτυρολόγιον*»; 18) память препод. Агапія (неизвѣстнаго времени), изъ «*Νέος Παράδεισος*»; 19) страданіе св. Іоанна болгарина (XVIII в.), изъ «*Νέον Μαρτυρολόγιον*»; 20) память препод. Иннокентія Вологодскаго (XVIII в.), изъ «*Житій святыхъ Россійской церкви*»; 21) житіе и страданіе св. новаго преподобномученика Евѳимія (XIX в.), заимствованное изъ рукописи Аѳонскаго скита св. Предтечи; 22) страданіе св. Луки († 1802), изъ «*Νέον Λειμονάριον*»; 23) страданіе св. Никиты (XIX в.), по письму проигумена Константія изъ г. Сереса въ Румелии; 24) память препод. Θεоны, митрополита Солунскаго (XVI в.), изъ «*Ἀκολουθία τῶν ἁγιορειτῶν πατέρων*»; 25) житіе препод. Григорія Синаита (XVI в.), изъ «*Νέον Ἐκλόγιον*»; 26) память препод. Нила Сорскаго (XV в.); 27) житіе препод. Акакія новаго (XVIII в.), изъ «*Νέον Μαρτυρολόγιον*»; 28) житіе препод. Симеона Босаго, новаго чудотворца (неизвѣстнаго времени), извлеченное изъ греческаго описанія его подвиговъ, изданнаго въ Смирнѣ въ 1646 г.; 29) житіе и страданіе св. Агаѳангела Есфигменскаго (XIX в.), взятыя изъ рукописи Есфигменскаго монастыря; 30) житіе и страданія св. новаго преподобномученика Акакія (XIX в.), съ рукописи Аѳонскаго скита св. Предтечи; 31) память препод. Никифора (XIV в.), изъ «*Φιλοκαλία*» и «*Ἀκολουθία τῶν ἁγιορειτῶν πατέρων*»; 32) память препод. Никодима, архіепископа сербскаго (XIV в.), по упомянутымъ выше книгамъ архіепископа Филарета и Даничича; 33) память препод. Іоанна Иверскаго (X в.), изъ «*Ἀκολουθία τῶν ἁγιορειτῶν πατέρων*»; 34) житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Евѳимія новаго, Иверскаго (XI в.), изъ «*Νέον Ἐκλόγιον*»; 35) житіе преподобнаго Георгія Иверскаго (XI в.), изъ «*Ἀκολουθία τῶν ἁγιορειτῶν πατέρων*»; 36) страданіе св. Пахомія (XVIII в.), изъ «*Νέον Μαρτυρολόγιον*»; 37) память препод. Іоанникія, архіепископа сербскаго (XIII в.), изъ вышеуказанной книги Даничича; 38) житіе и страданіе св. новомученика Константина (XVIII в.), изъ «*Νέον Μαρτυρολόγιον*»; 39) житіе препод. Петра (IX в.), изъ книги «*Ὁ ἄπλοῦς Ἐφραίμ*»; 40) память препод. Арсенія Коневскаго (XIV в.), изъ «*Житій святыхъ Россійской церкви*»; 41) житіе препод. Нифонта (XIV в.), изъ «*Νέον Ἐκλόγιον*»; 42) память св. Ефрема, патріарха сербскаго (XIV в.), по книгамъ архіепископа Филарета и Даничича; 43) память св. Киллиста I, патріарха Константинопольскаго (XIV в.), — самостоятельное краткое сообщеніе объ этомъ патріархѣ; 44) житіе препод. Діонисія, ктитора Аѳонской обители въ честь Крестителя и Предтечи Іоанна (XIV в.), изъ «*Νέος Παράδεισος*»; 45) страданіе св. Прокопія († 1810), изъ «*Νέον Λειμονάριον*»; 46) память препод. Тео-

липта, епископа Филадельфійскаго (XIII в.), и нѣкоторыхъ другихъ аѳонскихъ подвижниковъ.

Во второй части Патерика опубликованы слѣдующія статьи: 1) житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Аѳанасія, основателя Аѳонской Лавры (X в.), заимствованное изъ книги монаха Агапія «Καλοκαιρινή»; 2) страданіе св. Кипріяна новаго (XVII в.), изъ «Νέον Μαρτυρολόγιον»; 3) житіе препод. Теофила Мυροτοχиваго (XVI в.), составленное по рукописи Пантократорской келліи св. Василія на Аѳонѣ; 4) память препод. Антонія Печерскаго († 1073); 5) страданіе преподобномученика Никодима (XVIII в.), изъ «Νέον Μαρτυρολόγιον»; 6) страданіе св. Нектарія († 1820), по рукописи скита св. Анны на Аѳонѣ; 7) житіе препод. Павла Ксиропотамскаго, изъ «Νέον Ἐκλόγιον»; 8) подвиги и страданія св. Космы Равноапостольнаго (XVIII в.), изъ «Νέον Μαρτυρολόγιον»; 9) житіе препод. Нифонта II, патріарха Константинопольскаго (XV в.), изъ «Νέον Ἐκλόγιον»; 10) житіе препод. Теофана (XV в.), изъ книги о немъ, напечатанной въ Венеціи въ 1654 году; 11) житіе препод. Іероѳея (XVII в.), изъ «Νέον Ἐκλόγιον»; 12) страданіе св. Макарія († 1527 г.), изъ «Νέον Μαρτυρολόγιον»; 13) память препод. Кипріяна, митрополита Кіевскаго и всея Россіи (XIV в.); 14) страданіе св. Иларіона († 1804), съ рукописи скита св. Анны; 15) житіе препод. Космы, отшельника Зографскаго (XIV в.), изъ «Νέον Ἐκλόγιον»; 16) житіе препод. Іоанна Кукузеля (XII в.), изъ книги «Ἀμάρτολῶν Σωτηρία»; 17) память препод. Григорія, domestика великой церкви (XIV в.), изъ «Ἱερὰ κατήχησις» (1861); 18) страданіе св. Георгія (XVIII в.) изъ «Νέον Μαρτυρολόγιον»; 19) обрѣтеніе мощей препод. Евдокима Ватопедскаго (XVII в.), съ рукописи Ватопедскаго монастыря; 20) страданіе св. Макарія Новаго († 1590 г.), изъ «Νέον Λειμονάριον»; 21) страданіе 26 мучениковъ Зографскихъ — игумена Θομῆ и другихъ, при императорѣ Михаилѣ Палеологѣ, и повѣсть о нашествіи папистовъ на святую Аѳонскую гору (по славянской рукописи въ Зографскомъ монастырѣ); 22) житіе препод. Евѳимія Новаго Θεσσαλονικскаго (IX в.), извлеченное изъ греческой рукописи; 23) житіе препод. Герасима Новаго (XVI в.), изъ «Νέον Λειμονάριον»; 24) житіе и страданія св. Игнатія Новаго († 1814 г.), съ рукописи Аѳонскаго скита св. Предтечи; 25) житіе препод. Филоѳея (неизвѣстнаго времени), изъ «Νέος Παράδεισος»; 26) житіе препод. Аѳанасія I, патріарха Константинопольскаго (XIV в.), изъ «Νέος Παράδεισος»; 27) страданіе св. Тимоѳея Есфигменскаго († 1820 г.), съ рукописи Есфигменскаго монастыря; 28) страданіе св. Іакова и двухъ учениковъ его Іакова и Діонисія (XVI в.), изъ «Νέον Μαρτυρολόγιον»; 29) житіе преподобныхъ Евѳимія и Неофита Дохіарскихъ (X в.), изъ «Προσκυνητάριον μοναστηρίου Δοχειαρίου»; 30) житіе препод. Нила Мυροτοχиваго (XVII в.), съ рукописи Лаврской на Аѳонѣ келліи Нила преподобнаго; 31) страданіе св. Дамаскина († 1681 г.), изъ «Νέον Μαρτυρολόγιον»; 32) житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Григорія Паламы, архіепископа Θεσσαλονικійскаго (XIV в.), изъ «Νέον Ἐκλόγιον»; 33) страданіе св. Константина Но-

ваго († 1800 г.), изъ «Νέον Λειμωνάριον»; 34) память св. Каллиста II, патриарха Константинопольскаго (XIII в.), изъ синаксаря; 35) житіе препод. Нектарія, подвизавшагося въ скиту Карейскомъ, въ келліи Архангеловъ, именуемой Ягари († 1500 г.), изъ «Νέον Ἐκλόγιον»; 36) память препод. Григорія, ктитора обители Григоріатской (XV в.), съ рукописями; 37) житіе препод. Даниїла, архіепископа сербскаго (XIV в.), изъ упомянутыхъ выше книгъ Даничича и архіепископа Филарета; 38) страданіе св. Константія Россіянина († 1743 г.), изъ «Νέον Μαρτυρολόγιον»; 39) житіе препод. Симона Мυροτόχισα (XIII в.), изъ «Νέον Λειμωνάριον»; 40) страданіе св. Гедеона (XIX в.), извлеченное изъ книги о немъ, напечатанной въ Константинополѣ въ 1840 году; 41) житіе препод. Саввы Новаго Ватопедскаго (XIV в.), заимствованное изъ книги епископа Порфирія Успенскаго «Исторія Аѳона» (ч. III); 42) житіе препод. Исаїи старца (XIV в.), составленное на основаніи извѣстной теперь литературы о немъ, и — нѣкоторыхъ другихъ Аѳонскихъ подвижниковъ.

Въ *приложеніи* помѣщены — хронологическій указатель святыхъ, просіявшихъ на Аѳонѣ, и алфавитный указатель тѣхъ изъ нихъ, которые упомянуты въ настоящемъ Патерикѣ.

Такимъ образомъ, большая часть житій святыхъ, помѣщенныхъ въ седьмомъ изданіи Аѳонскаго Патерика, заимствована изъ различныхъ греческихъ агіографическихъ изданій, въ коихъ эти житія представляютъ позднѣйшую передѣлку оригинальныхъ жизнеописаній святыхъ, — и лишь немногія житія аѳонскихъ подвижниковъ извлечены изъ рукописнаго матеріала, въ изобиліи хранящагося въ монастырскихъ библіотекахъ Аѳона. Даже появившіяся уже въ печати подлинныя житія нѣкоторыхъ великихъ подвижниковъ Святой Горы (свв. Аѳанасія и Григорія Синаита), извѣстныя издателямъ Аѳонскаго Патерика (предисловіе, стр. VIII), не вошли однако въ составъ этого полезнаго труда. Въ виду этого, Аѳонскій Патерикъ въ настоящемъ своемъ видѣ пригоденъ только для популярнаго употребленія. Но онъ могъ бы имѣть и научное назначеніе, еслибы въ немъ, вмѣсто позднѣйшихъ передѣлокъ, были предложены въ русскомъ переводѣ подлинныя житія аѳонскихъ святыхъ, хранящіяся, несомнѣнно, въ богатѣйшихъ монастырскихъ библіотекахъ Аѳона.

Константинопольское монашество отъ основанія города(?) до кончины патриарха Фотія (330—898 г.). Извлечено изъ сочиненія Аббата Марена. Книги первая и вторая. С.-Петербургъ, 1899 г., стр. 163—175. — Въ этомъ изданіи предложенъ сокращенный русскій переводъ книги французскаго аббата Marin'a «Les moines de Constantinople depuis la Fondation de la ville jusqu'à la mort de Photius. Paris. 1897». Русскій переводчикъ сохранилъ дѣленіе и своей книги, по образцу оригинала, на пять отдѣловъ, но внутреннее ихъ содержаніе представилъ не въ той полнотѣ, какая наблюдается у Marin'a, а равно исключилъ изъ нея «весь ученый арсеналъ» оригинала. Переводчикъ называетъ книгу французскаго

ученаго «замѣчательной» и говорить, что аббатъ Marin «всесторонне изучилъ внутреннюю жизнь монаховъ» Византіи, «сталъ выше застарѣлыхъ предразсудковъ западныхъ ученыхъ» противъ сихъ монаховъ и «постарался въ своемъ обстоятельномъ изслѣдованіи пролить свѣтъ на интересный, хотя и сложный вопросъ о византійскомъ монашествѣ» (предисловіе, стр. 3—5). Повидимому, переводчикъ незнакомъ съ литературой, даже русской, о византійскомъ монашествѣ, поэтому допустилъ въ своемъ переводѣ всѣ тѣ недостатки и ошибки, которыя встрѣчаются во французской книгѣ и уже отмѣчены въ ученой литературѣ (см. «Византійскій Временникъ», т. VI, вып. 3—4, стр. 601—602).

Епископъ Киріонъ, *Двѣнадцативѣковая религіозная борьба православной Грузіи съ исламомъ*. Тифлисъ, 1899 г., стр. 113. — Брошюра состоитъ изъ пяти главъ, въ коихъ описывается борьба Грузіи съ арабами, сельджуками, монголами, персами и турками-османами. Въ частности въ главѣ *первой* (стр. 3—19) описывается состояніе востока и византійской имперіи до появленія арабовъ и сообщается о покореніи Грузіи арабами въ VII вѣкѣ, о бѣдствіяхъ грузинскаго народа подъ игомъ арабскимъ и о новомъ порабощеніи страны въ 1064 году турками-сельджуками, со всѣми его ужасными послѣдствіями. Въ главѣ *второй* (стр. 20—43) сперва разсказывается о сверженіи ига сельджуковъ при грузинскомъ царѣ Давидѣ III Агмашенебели (1089—1125 г.) и о процвѣтаніи Грузинскаго царства при царяхъ Давидѣ III и Георгіи III (1150—1174 г.) и царицѣ Тамарѣ (1172—1212 г.), а затѣмъ повѣствуется объ опустошительномъ нашествіи на Грузію Хоросанскаго султана Джелаль-Эддина Макберни въ 1226 году, о покореніи ея монголами въ концѣ XIII вѣка и объ освобожденіи отъ ига монгольскаго при грузинскомъ царѣ Георгіи V Блестательномъ (1318—1346 г.), о новомъ завоеваніи ея Тимуромъ въ концѣ XIV вѣка и персами въ концѣ XV вѣка, о состояніи Грузіи подъ персидскимъ игомъ отъ времени завоеванія до конца XVIII вѣка и о бѣдствіяхъ грузинскаго народа со стороны турокъ-османовъ. Глава *третья* (стр. 44—73) подробно описываетъ бѣдствія грузинъ подъ игомъ мусульманъ. Въ главѣ *четвертой* (стр. 73—98) разсказывается о послѣднемъ эпизодѣ многовѣковой борьбы Грузіи съ мусульманами — о разореніи грузинскаго царства персидскимъ ханомъ Ага-Магометомъ въ 1795 году. Наконецъ, въ *пятой* главѣ (стр. 99—113) сообщается о присоединеніи Грузіи къ Россіи и о взаимныхъ между ними отношеніяхъ. — Въ разсматриваемой брошюрѣ довольно подробно разсматривается исторія борьбы Грузіи съ различными исповѣдниками ислама, при чемъ авторъ пользуется преимущественно грузинскими источниками.

Епископъ Киріонъ, *Святый Або, мученикъ Тифлисскій*. Тифлисъ, 1899 г., стр. 14. — Здѣсь разсказывается о жизни и подвигахъ св. Або, замученнаго арабами въ Тифлисѣ въ 790 году.

Епископъ Киріонъ, *Повѣствованіе о чудодѣйственномъ благодатномъ камнѣ Давидо-Гареджійской пустыни*. Тифлисъ, 1899 г., стр. 15. — Раз-

сказывается эпизодъ изъ жизни препод. Давида, одного изъ тринадцати каппадокійскихъ отцевъ, просвѣтившихъ въ VI вѣкѣ Грузію свѣтомъ христіанства, и основателя Гареджійскаго монастыря.

П. Карабеловъ, *священникъ, Древній Анчисхатскій соборъ въ г. Тифлисъ. Историческій очеркъ.* Тифлисъ, 1899 г., стр. 88. — Описывается Анчисхатскій въ Тифлисѣ соборъ, построенный въ VII вѣкѣ католикосомъ Вавиломъ. Въ этомъ соборѣ находится Нерукотворенный образъ Спасителя, по мнѣнію автора, подлинный. Авторъ приводитъ въ своей брошюрѣ нѣкоторыя соображенія въ пользу этого мнѣнія, а также отмѣчаетъ надписи, встрѣчающіяся въ соборѣ, описываетъ утварь церковную и иконы.

А. Васильевъ, *Византійско-арабскія отношенія въ царствованіе Михаила III (842—867).* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1899 г., июль, стр. 1—55). — Статья представляетъ главу изъ приготовленной къ печати диссертациі А. А. Васильева о византійско-арабскихъ отношеніяхъ за время аморійской династіи. Въ этой статьѣ говорится, прежде всего, о византійско-арабскихъ отношеніяхъ въ первые годы правленія Михаила III (842—845), къ коимъ относится неудачный походъ арабскаго начальника Аподинара на Константинополь, предпринятый въ 842 году съ большимъ флотомъ, и два похода, также неудачные, правителя византійскаго государства Теокиста противъ арабовъ западныхъ, на Критѣ (843 г.), и восточныхъ. Далѣе разсказывается объ обмѣнѣ плѣнныхъ между византійцами и арабами въ 231 году хиджры (7 сентября 845 — 27 августа 846), состоявшемся у береговъ Ламуса, по желанію дамаскаго халифа Ватика (842—847). Послѣ этого обмѣна Византія не имѣла столкновеній съ восточными арабами до 851 года, но за это она съ 845 по 853 годъ непрерывно продолжала утомительную войну съ арабами въ Сициліи, оказавшуюся для византійскаго оружія крайне неудачною. Арабы не ограничивались Сициліей и совершали свои нападенія и на Южную Италію и даже посягнули на священный Римъ, который они пытались ограбить въ 846 и 849 годахъ; поводъ вмѣшиваться въ южно-итальянскія дѣла и грабить страну давали арабамъ внутреннія смуты въ Италіи и раздоръ между различными итальянскими правителями. Въ 853 году греческій флотъ подвергъ осадѣ городъ Даміетту въ Египтѣ; городъ былъ сожженъ и разграбленъ. Но слѣдствіемъ нападенія византійцевъ на Даміетту было появленіе египетскаго флота, нужду въ коемъ арабы почувствовали послѣ неожиданнаго разоренія города византійскимъ флотомъ; арабскій флотъ впослѣдствіи, во второй половинѣ X-го вѣка, получилъ весьма важное значеніе въ борьбѣ съ Византіей. Не смотря на успѣхъ при нападеніи на Даміетту, византійцы не получили отъ этого желаемыхъ выгодъ. Дѣла въ Сициліи не улучшились, и война здѣсь продолжалась, въ періодъ времени съ 853 по 861 годъ, попрежнему неудачно для грековъ. Одновременно съ сицилійскою войною съ 855 года открылись военныя дѣйствія и на восточной границѣ. Здѣсь

византійцы разрушили Аназарбу и взяли въ плѣнъ поселенное здѣсь цыганское племя Заттъ. Но это пограничное недоразумѣніе не имѣло временно серьезныхъ послѣдствій и въ концѣ 855 года и въ началѣ слѣдующаго произошелъ обмѣнъ плѣнныхъ между Византіей и халифатомъ, состоявшійся на берегахъ рѣки Ламуса. Обмѣнъ 856 года не далъ ожидаемаго покоя на восточной границѣ. Здѣсь въ томъ же году возобновились военныя дѣйствія, не вполне удачныя для византійцевъ, и продолжались въ 858 и 859 годахъ, а весною 860 года состоялся новый обмѣнъ плѣнныхъ между воюющими сторонами. Но уже лѣтомъ 860 года снова началась ожесточенная борьба мусульманъ съ византійцами, усложненная для грековъ неожиданнымъ появленіемъ предъ Константинополемъ руссовъ. Отразивъ послѣднихъ, императоръ Михаилъ въ борьбѣ съ арабами потерпѣлъ страшное пораженіе. Въ 863 году арабы взяли городъ Амисонъ (Самсунъ), но византійскій стратегъ Петронасъ въ томъ же году нанесъ имъ жестокое пораженіе, которое однако не удержало арабовъ отъ дальнѣйшихъ нападений на предѣлы Византіи (въ 864—867 г.), оказавшихся благоприятными для нихъ. Въ послѣдніе годы правленія Михаила III (862—867) отношенія византійцевъ и къ арабамъ Крита, Сициліи и южной Италіи не отличались миролюбивымъ характеромъ. Происходившія здѣсь военныя дѣйствія шли съ переменнымъ для византійцевъ успѣхомъ.

Ө. И. Успенскій, *Академикъ Василій Григорьевичъ Васильевскій. Обзоръ главнѣйшихъ трудовъ его по изученію Византіи* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1899, октябрь, стр. 291—342). — «Покойный академикъ В. Г. Васильевскій, пишетъ г. Успенскій, составляетъ весьма крупное явленіе въ исторіи русской науки не только потому, что это былъ ученый, оставившій послѣ себя ясно очерченный слѣдъ и хорошо опредѣлившееся направленіе, но и потому, что обладалъ въ обширной степени даромъ ученой комбинаціи и любви къ избранному имъ предмету. Больше четверти столѣтія онъ занималъ, безспорно, первое мѣсто и авторитетное положеніе въ области византиновѣдѣнія, будучи мастеромъ и руководителемъ нѣсколькихъ поколѣній молодыхъ людей и бодро стоя на стражѣ того научнаго движенія, которое создавалось у насъ и укрѣплялось въ послѣдніе десятки лѣтъ благодаря его же, главнымъ образомъ, учено-литературной дѣятельности. Слѣдуетъ признать, что по мѣрѣ появленія работъ Васильевского постепенно возрасталъ у насъ интересъ къ византійскимъ занятіямъ, такъ какъ подъ его перомъ оживали и получали реальное значеніе или забытые, или недостаточно понятые тексты, и такъ какъ вслѣдствіе его изученій обнаруживались новыя связи между древне-русской и византійской исторіей. Слѣдующіе за развитіемъ въ Россіи историческихъ знаній и за новыми завоеваніями въ научной области не могли пропускать безъ вниманія его почтенныхъ трудовъ, направленныхъ къ освященію нашей сѣдой старины и къ выясненію средствъ и путей, которыми совершался обмѣнъ литературныхъ

памятниковъ и правовыхъ воззрѣній между Византіей, южными славянами и Русью. Уже давно было отмѣчено, что сила Васильевскаго заключается столько же въ оригинальности ума и находчивости, сколько въ искусствѣ вычитывать въ памятникахъ то, чего другіе не подозрѣвали или пропускали безъ вниманія». Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о нашемъ знаменитомъ ученомъ, Ѳ. И. Успенскій обзрѣваетъ и оцѣниваетъ его научные труды по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) общеисторическія темы въ связи съ изученіемъ Византіи, 2) русскія темы въ связи съ изученіемъ Византіи, 3) спеціальныя византійскія темы и 4) обработка агиографическихъ темъ. Въ заключеніи обзора ученыхъ трудовъ В. Г. Васильевскаго Ѳ. И. Успенскій такъ оцѣниваетъ его значеніе. «Никто еще у насъ, пишетъ онъ, такъ глубоко и съ такимъ успѣхомъ не захватывалъ византійскихъ темъ и никто не доходилъ въ своихъ попыткахъ обнаружить зависимость изученія русскихъ историческихъ и литературныхъ сюжетовъ отъ византійскихъ до такихъ положительныхъ и поражающихъ своей наглядною реальностью выводовъ. В. Г. Васильевскому первому, слѣдовательно, принадлежитъ та честь, что онъ снялъ съ Византіи покровъ таинственности и нѣсколько приблизилъ ее къ понятію читателя, даже средняго образованія. Коснувшись всѣхъ наиболѣе заманчивыхъ темъ, которыми занятія Византіей соприкасаются съ нашей національной исторіей, онъ способствовалъ тому, что византійскія занятія стали понемногу входить въ нашъ обиходъ и интересоваться частью образованнаго общества. Исходя, однако, изъ того убѣжденія, что мы переживаемъ еще по отношенію къ византизму періодъ собиранія и очистки матеріала, онъ никогда не брался за широкія темы, хотя по поводу отдѣльныхъ памятниковъ способенъ былъ писать обширныя изслѣдованія, захватывающія глубоко и широко разнообразныя оттѣнки жизни эпохи. Особенно свойственная ему черта въ изслѣдованіи — это наглядное изображеніе всей исторической обстановки, среди которой появился памятникъ, и проникновеніе въ психологію общества и настроеніе историческихъ дѣятелей и писателей. Для этого, несомнѣнно, требовалась громадная начитанность въ литературѣ, широкая подготовка въ вспомогательныхъ для исторіи дисциплинахъ и беззавѣтная любовь къ изучаемому предмету. Въ первый разъ византійскія занятія въ Россіи получили въ Васильевскомъ такого представителя, который былъ въ состояніи и дать имъ серьезное направленіе, и до извѣстной степени обезпечить ихъ продолженіе въ будущемъ, а равно и привлечь къ нимъ вниманіе своихъ университетскихъ слушателей. На обязанности тѣхъ учреждений, которыя своей ученой славой и авторитетомъ украшалъ Васильевскій, будетъ лежать, чтобы сдѣланные имъ посѣвы не заглохли и чтобы та область знаній, которую онъ такъ высоко поставилъ, продолжала культивироваться въ Россіи и обратилась бы въ настоящую историческую школу, почерпающую свои преданія отъ Васильевскаго». Наконецъ, Ѳ. И. Успенскій выражаетъ желаніе, чтобы лучшія сочиненія В. Г. Васильевскаго

были вновь изданы отдѣльнымъ изданіемъ и чтобы учено-литературная его дѣятельность была оцѣнена въ связи съ общимъ византологическимъ движеніемъ въ Россіи и въ Западной Европѣ.

Ив. Гревсъ, *Василій Григоріевичъ Васильевскій, какъ учитель науки. Набросокъ воспоминаній и матеріалы для характеристики* (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1899, августъ, современная лѣтопись, стр. 27—74). — Въ этой, весьма искренно и тепло написанной, статьѣ предложена, на основаніи личныхъ воспоминаній, характеристика нашего знаменитаго византолога, какъ университетскаго профессора. Указавъ на необходимость для слушателей и учениковъ покойнаго Василя Григорьевича запомнить его симпатичный профессорскій образъ, г. Гревсъ опредѣляетъ главный центръ его научныхъ занятій и основные признаки его ученой фizioноміи, говоритъ объ отличительныхъ особенностяхъ метода его университетскаго преподаванія, о характерѣ его курсовъ, отношеніи къ студентамъ и ученикамъ, а въ заключеніе отмѣчаетъ общія черты его умственнаго склада и нравственной личности.

Н. Марръ, *Къ вопросу о задачахъ арменовѣдѣнія* (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1899, іюль, стр. 241—250). — Въ этой статьѣ, представляющей рѣчь предъ защитой магистерской диссертациі «Сборники причтъ Вардана», выясняется значеніе этого сочиненія въ области арменовѣдѣнія, какъ самостоятельной науки, задача которой состоитъ въ томъ, чтобы раскрыть условія сформированія армянской національности и выяснить въ исторической послѣдовательности самобытныя ея проявленія на общемъ фонѣ политической и культурной жизни, создавшейся подъ вліяніемъ и византійскаго воздѣйствія.

В. В. Латышевъ, *Замѣтки по древней географіи сѣвернаго побережья Чернаго моря. Объ островѣ св. Эерія* (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1899, май, отдѣлъ классической филологіи, стр. 73—87). — Константинъ Багрянородный въ сочиненіи «De administrando imperio», описывая «путь изъ Варягъ въ Греки», говоритъ, что россы, по совершеніи обычныхъ жертвоприношеній на островѣ св. Григорія, лежавшемъ на Днѣпрѣ ниже пороговъ, продолжаютъ плаваніе четыре дня, пока не достигнутъ лимана, который составляетъ устье этой рѣки и на которомъ лежитъ островъ св. Эерія (Αἰθέριον); приставъ къ этому острову, путники отдыхаютъ на немъ два или три дня и приводятъ въ порядокъ свои «однодеревки» и т. д.... (сар. IX, р. 78. Вонн.). Островъ «святаго Ельферья» упоминается и въ извѣстномъ договорѣ Игоря съ греками. Русскіе ученые, со времени Карамзина, отождествляютъ этотъ островъ съ островкомъ Березанью, лежащимъ прямо предъ входомъ въ Днѣпровскій лиманъ. Академикъ Латышевъ, признавъ это отождествленіе неправильнымъ, предполагаетъ, что подъ островомъ св. Эерія у Константина Багрянороднаго слѣдуетъ разумѣть западную часть нынѣшняго Кинбурнскаго полуострова до Прогнойска, нѣкогда отдѣленную проливомъ.

А. Бекштремъ, *Неизданные отрывки Руфа Эфесскаго* (*Журналъ Мини-*

стерства Народнаго Просвѣщенія, 1899, мартъ, отдѣлъ классической филологіи, стр. 121—132). — Рѣчь идетъ о четырехъ отрывкахъ изъ сочиненія по медицинѣ византійскаго писателя Руфа Эфесскаго, находящихся въ рукописи Московской Синодальной бібліотеки № 436, по каталогу архимандрита Владиміра (fol. 115).

И. Андреевъ, *Св. Тарасій, патріархъ константинопольскій. Очеркъ его жизни и дѣятельности въ связи съ ходомъ иконоборческихъ смуть* (Богословскій Вѣстникъ, 1899, іюнь, стр. 143—180, іюль, стр. 302—346, августъ, стр. 459—504). — Указавъ источники свѣдѣній о жизни и дѣятельности патріарха Тарасія (784—806), г. Андреевъ излагаетъ его біографію, причемъ говоритъ о происхожденіи и образованіи Тарасія, его службѣ въ должности секретаря у императора-иконоборца Льва Исавра, о настроеніи общества, при которомъ Тарасій долженъ былъ занять патріаршую кафедру, созданномъ усиліями двухъ иконоборческихъ императоровъ Льва Исавра и Константина Копронима, объ отношеніи послѣднихъ къ монахамъ и другимъ иконопочитателямъ, о вступленіи на престолъ императрицы Ирины и о вліяніи этого событія на настроеніе общества, объ удаленіи съ патріаршей кафедры Павла IV и объ избраніи патріархомъ Тарасія, о дѣятельности Тарасія по вопросу о созваніи новаго собора, о соборѣ 786 года и характерѣ его, о ходѣ дѣйствій на вселенскомъ соборѣ 787 года и объ отношеніи Тарасія къ бывшимъ иконоборцамъ, о нравственныхъ качествахъ этого патріарха и о его кончинѣ, послѣдовавшей 18 февраля 806 года. Вообще г. Андреевъ въ настоящемъ очеркѣ довольно полно и обстоятельно описалъ церковно-общественную дѣятельность патріарха Тарасія и охарактеризовалъ его нравственную личность.

А. П. Лебедевъ, *Греческая церковь и римскій католицизмъ. Изъ исторіи греко-восточной церкви отъ паденія Константинополя въ 1453 году до настоящаго времени* (Богословскій Вѣстникъ, 1899, іюль, стр. 347—376; августъ, стр. 505—543). — Съ половины XV-го и до начала XIX-го столѣтія римскій католицизмъ, по словамъ профессора А. П. Лебедева, не имѣлъ почти никакихъ успѣховъ въ средѣ греко-восточной церкви. Этимъ счастливымъ результатомъ греческая церковь обязана не столько самой себѣ, сколько турецкому правительству. Со времени странной попытки римскаго папы Пія II (1458—1464) обратить въ католичество султана Магомета II, турки имѣли полное нерасположеніе къ римскому католицизму и католическимъ націямъ какъ по политическимъ причинамъ, такъ и вслѣдствіе заговоровъ со стороны римско-католическихъ державъ противъ благосостоянія турецкой имперіи. Съ другой стороны, турки всегда предпочитали греческую церковь римско-католической; это выражалось въ международныхъ отношеніяхъ, въ явномъ стремленіи турокъ препятствовать римско-католической пропагандѣ на востокѣ и въ борьбѣ турецкаго правительства съ латинскими миссіонерами, въ частности съ иезуитами, въ содѣйствіи грекамъ при занятіи св. мѣстъ въ Палестинѣ,

въ ущербъ латинянамъ, и въ наказаніи константинопольскихъ патріарховъ, сочувствовавшихъ латинству. Такое отношеніе турецкаго правительства къ римскому католицизму имѣло выгодныя для грековъ слѣдствія въ борьбѣ ихъ съ папизмомъ. — Во второй половинѣ своей статьи профессоръ Лебедевъ даетъ свѣдѣнія о системѣ образованія и дисциплины въ такъ называемой греческой коллегіи, основанной въ 1577 году въ Римѣ при папѣ Григоріи XIII съ цѣлью воспитывать грековъ въ духѣ папскихъ стремленій и этимъ путемъ распространять на востокѣ идеи католицизма. Образцомъ для этой коллегіи послужила такъ называемая германская коллегія, основанная въ 1552 году по мысли Игнатія Лойолы для обращенія къ католичеству протестантской Германіи. Греческая коллегія была устроена при содѣйствіи прелата Каспаро да Урбино, находилась потомъ подъ управленіемъ іезуитовъ и въ цвѣтущую свою пору имѣла до 65 учениковъ. Но греки скоро поняли значеніе этой коллегіи и съ враждою относились къ соотечественникамъ, въ ней обучавшимся. Наиболѣе извѣстными учениками греческой коллегіи Григорія XIII были: Петръ Аркудій, Левъ Аллацій и Паисій Лигаридъ. Въ концѣ статьи рѣчь идетъ объ успѣхахъ католичества на востокѣ въ XIX вѣкѣ.

Житіе святаго отца нашего Никифора, архіепископа Константинограда и новаго Рима, списанное Игнатіемъ, діакономъ и скевофилаксомъ святѣйшей великой церкви святой Софїи (Богословскій Вѣстникъ, 1899, октябрь, стр. 1—16, ноябрь и декабрь). — Приступая къ печатанію въ русскомъ переводѣ твореній св. Никифора, патріарха константинопольскаго (806—815 г.), редакція «Богословскаго Вѣстника» нашла необходимымъ предпослать имъ русскій переводъ и житія св. отца, написаннаго его ученикомъ, діакономъ Игнатіемъ.

Н. Марръ, Возникновеніе и расцвѣтъ древне-грузинской свѣтской литературы (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1899, декабрь, стр. 223—252). — Въ статьѣ рѣчь идетъ о развитіи древне-грузинской (XI—XII в.) свѣтской литературы подъ воздѣйствіемъ отчасти литературы византійской, а главнымъ образомъ персидской, имѣвшей сильное вліяніе на расцвѣтъ грузинской литературы.

А. Бекштремъ, Двѣ рукописи Катоміомахіи Θεодора Προδρομα (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1899, октябрь и ноябрь, отдѣлъ классической филологіи, стр. 22—51). — Г. Бекштремъ нашелъ двѣ до послѣдняго времени неизвѣстныя рукописи Катоміомахіи Θεодора Προδρομα, одна изъ коихъ хранится въ Московской Синодальной бібліотекѣ подъ № 309 по каталогу архимандрита Владиміра, а другая находится въ вѣнскомъ кодексѣ Phil. Gr. 293; обѣ рукописи относятся къ XVI вѣку. Помѣщенный въ нихъ текстъ Катоміомахіи представляетъ не мало различій и особенностей сравнительно съ печатнымъ изданіемъ этого византійскаго произведенія, сдѣланнымъ Герхеромъ (Lipsiae, Teubn. 1873) по cod. Marcianus 524, лишь passim advocatis cod. Neapoli-

tauo 96 II C 38 и Vindobonensi Philol. Gr. 293. Г. Бекштремъ въ своей статьѣ и отмѣчаетъ эти различія и особенности.

Е. Придикъ, *Греческія заклятія и амулеты въ Южной Россіи* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1899, декабрь, отдѣлъ классической филологіи, стр. 115—124) — Въ статьѣ описываются пять свинцовыхъ табличекъ съ проклятіями, найденныхъ въ Южной Россіи и относящихся, вѣроятно, къ классической эпохѣ, и три амулета, изъ коихъ одинъ надарпанъ на серебряной пластинкѣ, одинъ на золотой, а третій написанъ на кускѣ матеріи черною краскою. Всѣ амулеты относятся къ христіанскому времени. Они уже были изданы В. В. Шкорпиломъ («Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей», т. XXI, 1898, протоколы, стр. 8—11); г. Придикъ дѣлаетъ къ этому изданію нѣкоторыя дополненія.

М. Крашенинниковъ, *Procoriana. Къ критикѣ текста V книги «Ἐπερ τῶν πολέμων» Прокопія Кесарійскаго* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1898, июнь, отдѣлъ классической филологіи, стр. 121—148, 1899, сентябрь, стр. 127—144, октябрь, стр. 1—18). — Въ статьѣ сообщается рядъ конъектуръ автора ко второй тетради «Ἐπερ τῶν πολέμων» Прокопія Кесарійскаго, то-есть, къ такъ называемой Bellum Gothicum II. I—IV, и по большей части безъ мотивировокъ, подобно конъектурамъ Брауна къ разнымъ сочиненіямъ того же историка. Текстъ Прокопія цитируется по изданію Компаретти.

. *Когда установлена была іерусалимская патриархія* (Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, 1899, январь—февраль, стр. 75—82). — Въ статьѣ сообщается, что іерусалимская патриархія признана самостоятельною церковною областью на Халкидонскомъ соборѣ 451 года; въ составъ ея входили провинціи—Палестина первая, Палестина вторая и Палестина третья, въ коихъ было 59 епископій.

Рецензіи появились на слѣдующія книги.

Ю. Кулаковскій, Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и византійскихъ писателей. Кіевъ. 1899. Рецензія С. въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1899, декабрь, стр. 1211—1214.

С. Терновскій, Очерки изъ церковно-исторической географіи. Области восточныхъ патриарховъ православной церкви до IX вѣка. Казань. 1899. Рецензія тамъ же, стр. 1221—1224.

Византійскій Временникъ, издаваемый при Императорской Академіи Наукъ, подъ редакцію В. Э. Регеля. Томъ VI, выпуски 3—4. С.-Петербургъ. 1899. Рецензія г. В. Р-ва въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1899, декабрь, стр. 1235.

Епископъ Порфирій Успенскій, Востокъ христіанскій. Александрійская патриархія. Сборникъ матеріаловъ, изслѣдованій и записокъ, относящихся

до исторіи Александрійской патріархіи. Томъ I. Изданіе Императорской Академіи Наукъ подъ редакціей Хр. М. Лопарева. С.-Петербургъ. 1898. Рецензія г. З. въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1899, іюль, стр. 304—309.

A. N. Hore, M. A. Eighteen Centuries of the Orthodox Greek Church: Trinity College, Oxford. 1899. Рецензія г. **В. Соколова** въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1899, № 27, прибавленія, стр. 1095—1097.

А. А. Дмитріевскій, Архіепископъ елассонскій Арсеній и мемуары его изъ русской исторіи по рукописи трапезунтскаго Сумелійскаго монастыря. Кіевъ. 1899. Рецензія г. З. въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1899, августъ, стр. 666—671.

Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. III. Софія. 1898. Рецензія г. **С. С.** въ Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ, 1899, №№ 6 и 7, стр. 213—215.

А. П. Лебедевъ, Собраніе церковно-историческихъ сочиненій. Томы I—IV. Изданіе второе. Москва. 1896—1898. Рецензія г. **Г.** въ Церковномъ Вѣстникѣ, 1899, № 24, стр. 898—900.

Василій Нарбековъ, Номоканонъ константинопольскаго патріарха Фотія съ толкованіемъ Вальсамона. Часть I. Историко-каноническое изслѣдованіе. Часть II. Русскій переводъ съ предисловіемъ и примѣчаніями. Казань. 1899. Рецензіи: **И. В-скаго** въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1899, № 35, прибавленія, стр. 1417—1421, и профессора **Н. Заозерскаго** въ Богословскомъ Вѣстникѣ, 1899, октябрь, стр. 342—345.

Іеромонахъ Каллистъ, Номоканонъ св. Фотія, патріарха константинопольскаго. Изслѣдованіе. Москва. 1899. Рецензія **И. В-скаго**, въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1899, № 35, прибавленія, стр. 1417—1421.

Архіепископъ Владимірскій Сергій, Святыи Андрей Христа ради юродивый и праздникъ Покрова Пресвятой Богородицы. С.-Петербургъ. 1898. Рецензія **С.** въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1899, № 35, прибавленія, стр. 1421—1424.

П. А. Сырку, Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ. Томъ I. Выпускъ 1. Время и жизнь патріарха Евѳимія Терновскаго. Спб. 1899. Рецензія: г. З. въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1899, сентябрь, стр. 1002—1104 и г. **В. И. Ламанскаго** въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1899, ноябрь, стр. 103—136, декабрь, стр. 312—362.

Ed. Kurtz, Zwei griechische Texte über die hl. Theophano, die Gemahlin Kaisers Leo VI, въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ, VIII серия, по историко-филологическому отдѣленію, т. III, № 2, 1898. Рецензія **Х. М. Лопарева** въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1899, октябрь, стр. 343—361.

А. П. Лебедевъ, Исторія раздѣленія церквей въ IX, X и XI вѣкахъ. Съ подробнымъ указателемъ русской литературы, относящейся къ этому предмету, съ 1841 года по 1900. Москва. 1900. Рецензія въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1899, октябрь, стр. 325—329.

М. Чельцовъ, Церковь королевства Сербскаго со времени приобрѣте-

нія ея автокефальности (1879—1896). Историко-каноническій очеркъ. С.-Петербургъ. 1899. Рецензія г. К. Х. тамъ же, стр. 329—332.

Х. М. Лопаревъ, *Summa Rerum Romaeorhossicarum*. "Αρχαία τῶν Ῥωμαιορρῶσσικῶν. Греки и Русь. С.-Петербургъ. 1898. Библиографическая замѣтка г. С. Смирнова въ Богословскомъ Вѣстникѣ, 1899, сентябрь, стр. 163—164.

Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса по рукописи Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Выпуски I—IV. Москва. 1897—1898. Рецензія г. С. Смирнова тамъ же, стр. 167—174.

А. Кадлубовскій, Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ. I. Къ вопросу о житіи преподобнаго Авраамія Ростовскаго. II. Великомученикъ Меркурій Кесарійскій и мученикъ Меркурій Смоленскій. III. Св. Великомученикъ Никита, и св. Никита, столпникъ Переяславскій. 1897. Рецензія тамъ же, стр. 174—178.

М. Сперанскій, Изъ исторіи отреченныхъ книгъ. I. Гаданія по псалтири. II. Трепетники. Тексты и матеріалъ для объясненія. Спб. 1899. Рецензія тамъ же, стр. 178—181.

А. П. Лебедевъ, Церковно-историческія повѣствованія общедоступнаго содержанія и изложенія. Изъ древнихъ временъ христіанской церкви. Москва. 1900. Рецензія г. С. въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1899, ноябрь, стр. 767—770.

Лѣтопись историко-филологическаго общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ. Византійское отдѣленіе. IV. Одесса. 1899. Рецензія тамъ же, стр. 785—787.

И. Соколовъ.

ГЕРМАНІЯ.

«*Byzantinische Zeitschrift*», *herausgegeben von K. Krumbacher, Band VIII Heft 4.*

Въ первомъ отдѣлѣ (стр. 613—681) помѣщены изслѣдованія:

Paolo Orsi, *Nuove Chiese Bizantine nel territorio di Siracusa* (стр. 613—642). — См. отдѣлъ «Италія».

H. Gelzer, *Zu den Graeca Eusebii* (стр. 643—644). — Возстановляется текстъ отрывка хроники Евсевія, передаваемого Сипкелломъ (646, 17—647, 5), о разрушеніи Іерусалима Титомъ, при помощи рукописей Сипкелла Coisl. 133 и Palatinus 395 и изложенія Малалы (по *Chronicon Paschale* 461, 21).

E. Kurtz, *Zum Euchologion des Bischofs Serapion* (стр. 645—646). — Нѣсколько замѣтокъ по тексту «Евхологіона», напечатаннаго впервые А. Дмитріевскимъ въ 1894 г. и вторично Г. Вобберминомъ въ «*Texte*